Торнсайдские хроники

Автор:
Ольга Куно

Торнсайдские хроники

Ольга Куно

Тяжела и многогранна жизнь газетчиков в Истленде – эту истину Абигайль доведется узнать не понаслышке. Навязчивые кавалеры и доброжелательные грабители, маленькие жизненные драмы и большие государственные тайны, холод подземных казематов и жестокий преступник, прячущийся под маской красивого аристократа, – вот далеко не полный список проблем, свалившихся на голову девушки. Но работники пера не сдаются! Изучить повадки преступников? С легкостью. Провести ночь в тюрьме? С кем из пристойных дам не бывает. Взять интервью у короля? Почему бы и нет?

Ольга Куно

Торнсайдские хроники

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Колонка знакомств

Из дома я вышла с твердым намерением изменить Норману с первым встречным. Вот кто первым на пути попадется, с тем в постель и лягу. Или этот мерзавец думает, что ему можно, а мне нельзя? Он, понимаете ли, сообщает мне, что уже целый месяц как любит другую и теперь наконец-то решился к ней от меня уйти. И главное, к кому! К этой безмозглой блондинистой аристократочке с пухлыми губками и томным взглядом. И что мне понравилось больше всего, так это его сакраментальное: «Ты должна меня понять!» Ну да, еще бы мне было непонятно. С ней он будет как сыр в масле кататься. Деньги, слуги, балы, «конечно, дорогой, ни в чем себе не отказывай». Нет, бурные ночи тоже, разумеется, будут, но это уже так, второстепенно.

Ненавижу дворян. Деньги зарабатывать не надо, профессией обзаводиться не надо, крутиться как белка в колесе, чтобы обеспечить себе достойную (а не какую придется) жизнь, не надо. Все приходит само и задаром. А ко всем прочим благам еще и любовники слетаются, как мухи на мед.

Я с силой, до крови прикусила губу. Горько, конечно. Но плакать я точно не собираюсь, не дождется. Первой моей реакцией после того, как прошло первое потрясение, было выставить Нормана за дверь, предварительно отобрав ключ. Судя по его изумлению, такого поворота мой бывший любовник не ожидал. Думал, что жить будет у своей дворяночки, а ключ от моего дома придержит про запас, на всякий случай. Необходимость сжечь мосты определенно выбила его из равновесия. Ничего, перебьется. Я в такие игры не играю.

Вторым побуждением было разделаться с Норманом и его красавицей при помощи ножа, подаренного в свое время одним из поклонников моей профессиональной деятельности. Я даже не поленилась и отыскала холодное оружие среди прочих ненужных подарков вроде тяжеловесного настенного канделябра и симпатичной, но нецелесообразно громоздкой чернильницы. Такие вещи и применения не находят, и выбросить нехорошо – подарок все-таки, и другим передаривать тоже неловко. Еще напутаешь что-нибудь и подаришь тому, кто сам тебе в свое время эту вещицу преподнес. Так вот, отыскала я этот

нож. Долго вертела его в руках, пытаясь понять, какая сторона у клинка острая, а какая – тупая. Поняла только после того, как порезалась. В итоге пришла к весьма неутешительному выводу, что кровавая месть – не моя стихия.

А потом меня наконец-то осенило. Вот как я должна ему отомстить! Переспать с первым встречным. Пусть Норман знает, что мне нет до него никакого дела. Что найти ему замену не сложнее, чем щелкнуть пальцами.

Я спустилась с крыльца и двинулась в выбранном наугад направлении. А вот и первый прохожий. Навстречу мне шагал мужчина лет сорока пяти с четко очерченной лысиной и не менее четко проступающим брюшком. И без того маленькие глазки совсем уж терялись на фоне толстых мясистых щек. Рост незнакомца был существенно ниже среднего. Когда в придачу ко всем своим прочим прелестям мужчина громко высморкался в рукав, мое желание переспать с первым встречным резко пошло на убыль.

Но ничего. Любой, кто меня знает, в курсе: я не из тех, кто легко сдается. Поищем другую кандидатуру, что может быть проще?

Второй первый встречный оказался вполне обаятельным на вид мужчиной интеллигентного вида и приятной наружности… Вот только наружность эта появилась на свет лет восемьдесят тому назад. Боюсь, что для моих целей он может малость не подойти. Мой пыл снова был охлажден.

Я в очередной раз окинула улицу хищным взглядом. Ау, первые встречные, ну где же вы? Сидевший возле высокой каменной ограды нищий протянул ко мне руку, сложив ладонь лодочкой. Я отпрянула как ошпаренная. Я, конечно, недолюбливаю аристократов, но это еще не значит, что я морально и физически готова к таким масштабам всеобщего равенства… Оказывается, поиск первого встречного – это весьма сложное и ответственное занятие.

Ну ничего, я все равно не сдамся. Просто я выбрала для реализации своей цели неправильное место. Первого встречного надо выбирать не на улице, а в более достойном месте, к примеру, в трактире. Больше не раздумывая, я направилась в хорошо знакомое заведение с многообещающим названием «Хмельной охотник». Не знаю, чем именно отличился в свое время вышеупомянутый охотник (подозреваю, что не меткостью), но что-то мне подсказывало, что без хмеля в стратегически важном деле измены Норману с первым встречным никак

не обойтись.

По пути я все сильнее горбилась под грузом невеселых мыслей. Конечно, я чересчур переборчива, и это неудивительно. Что ни говори, а Норман – красавчик. Светло-русые волосы до плеч, серо-голубые глаза, постоянно меняющие оттенок, обаятельная улыбка. Черты лица настолько правильные, будто, создавая этого мужчину, творец специально с точностью до миллиметра высчитывал пропорции. Хорошая фигура, светлая кожа, длинные пальцы, ну и дальше по списку, лучше мне не увлекаться. И жили мы вместе не пару дней, а полгода. За это время волей-неволей поднимешь планку. Девчонки мне завидовали, кто тайно, а кто и вслух, хотя, скажем прямо, по характеру Норман – далеко не луч света в темном царстве. Вот только зачем в темном царстве луч света, если там предусмотрена теплая постель и бесподобный любовник?

Да, как мужчина он, пожалуй, более красив, чем я как женщина. Нет, я никогда не страдала приступами самоуничижения и теперь не собираюсь, не дождется. Выгляжу я вполне неплохо, и уж точно ничем не хуже, чем эта его смазливая дворяночка. У меня хорошая фигура, рост чуть выше среднего; правда, обладательницей особо пышных форм я не являюсь, но оно мне и не надо. Черты лица тоже достаточно правильные, хоть и не настолько совершенные, как у Нормана. Карие глаза, прямые брови, чуть заостренный подбородок. И вполне красивые, слегка вьющиеся черные волосы, которые, правда, едва доходят до плеч, и то только если специально их распрямить. Раньше волосы были существенно длиннее, но после одного неудачного эксперимента с прической пришлось обрезать покороче. Впрочем, мне так даже нравится: это удобно и придает ощущение легкости, а я терпеть не могу все тяжеловесное. При моей профессии надо быть подвижной, юркой и легкой на подъем.

О, а вот и трактир. Толкнув массивную дубовую дверь, над которой призывно красовалась знакомая вывеска, я спустилась на несколько ступенек и попала в не слишком хорошо освещенный зал для посетителей. Эта часть трактира находилась в полуподвальном помещении: окна выходили на улицу, но были маленькими и располагались под самым потолком. Сейчас, когда наступил вечер, через них в любом случае проникала разве что темнота, так что источником освещения служили свечи в многочисленных канделябрах, а также парочка чадящих факелов, по старинке прикрепленных к стене. Вообще-то в наше время факелами почти нигде, кроме как в старых замках, не пользовались, но в «Хмельном охотнике», похоже, чтили традиции, что лично мне нравилось.

Здесь все было как всегда. Жарко, шумно, весело. Резкий запах жареного мяса с луком, суетливо пляшущие по стенам тени, пение под лютню вперемешку с пьяными выкриками. В общем, хорошо. Оглядев просторную комнату с неровным каменным потолком, уставленную многочисленными столами, как длинными, так и небольшими квадратными, предназначенными для четверых, я увидела, куда идти, и начала пробираться между людьми и скамьями. Приветственно кивнула трактирщику, отсалютовала Дику, молодому наливальщику, смешивавшему напитки на своем обычном рабочем месте за стойкой. Заодно отметила спины двух сидевших за стойкой мужчин, записав их в потенциальные первые встречные. Пока я шла, в моем направлении то справа, то слева вытягивались руки в приветственном жесте и раздавались выкрики в духе:

– Привет, Абигайль! А где Норман?

Я здесь, можно сказать, завсегдатай, так что знаю очень многих. Да и вообще, с учетом моей профессии, у меня знакомых почти полгорода.

– А мне почем знать? – со смешком отвечала я. – В конце-то концов, может симпатичная молодая девушка самостоятельно уйти в загул?

Это заявление встречало вполне одобрительные возгласы. Ну что ж, почва для измены подготовлена самая что ни на есть благодатная. Осталось лишь подобрать кандидатуру. Жаль, конечно, что самого Нормана здесь нет – еще бы, станет его нынешняя зазноба расхаживать по подобным местам! Ну да ничего, мир не без добрых людей, ему все передадут в подробностях. Я машинально подняла взгляд на лестницу, уходившую вверх, к сдававшимся в трактире комнатам. Начало сегодняшней ночи я твердо намеревалась провести в одной из них.

Добравшись наконец до нужного столика, я плюхнулась на сиденье между своими подругами, Рози и Тесс.

– Абигайль! Не ожидала тебя здесь сегодня увидеть! – обрадовалась Тесс, симпатичная субтильная девушка с игриво блестящими глазами и вздернутым носиком. – У тебя же были на вечер другие планы?

– Пришлось их немного подкорректировать, – уклончиво ответила я, не торопясь вдаваться в подробности. Все равно придется, но не так же сразу, вместо

«здравствуйте».

– Вот и хорошо! А где Норман?

Заданный Рози вопрос прозвучал на редкость неоригинально.

– А где ваши мужья? – перевела стрелки я.

Или они тоже пришли сюда в одиночку, чтобы поохотиться на мужчин? Только этого не хватало! Зачем мне конкуренция? Впрочем, такая идея была попросту смешной: Тесс точно не стала бы искать приключений на стороне, а Рози – тем более.

– Да вон они, вместе с Рупертом по случаю его дня рождения выпивают.

Тесс для порядка поморщилась, указывая на длинный стол, за которым расположилась особо шумная компания, состоявшая в основном из мужчин.

– А вы, значит, с ними выпивать не пожелали, – усмехнулась я.

– Ну, Рози вообще нельзя, а мне мой пунш и сюда принесут, – пожала плечами Тесс. – А слушать мужскую болтовню – это увольте. Кто лучше на мечах дерется, какая порода лошадей самая быстрая, какой эль самый забористый. – Она презрительно скривилась, но умудрилась при этом бросить на своего мужа вполне влюбленный взгляд.

– А женские разговоры что, лучше? – заступилась за мужской пол Рози. – Тряпки, лавки да стряпня.

– Мы что, часто разговариваем на подобные темы? – фыркнула Тесс.

– Мы – нет, нечасто, – согласилась Рози. – Потому что у нас есть Аби, которая просвещает нас по самым разным вопросам.

– Не путай причину и следствие, – отозвалась я. – Не думаю, что я могла бы дружить с девушками, интересы которых ограничиваются шмотками. Ты-то как себя чувствуешь?

– Уже лучше, – кивнула Рози.

– У тебя ведь четвертый месяц уже?

– Ага.

Подруга снова кивнула и приложила ладонь к животу. На мой взгляд, пока ничего не было заметно, хотя тут, конечно, играло определенную роль свободное платье.

– Чувствую я себя хорошо, – продолжила Рози, задумчиво ковыряя вилкой в салате, – но все время задаюсь одним вопросом: почему люди не похожи на птиц?

– В смысле – не умеют летать? – уточнила я.

– В смысле – не откладывают яйца, – возразила она.

Мы с Тесс рассмеялись.

– Абигайль, так где все-таки Норман? – спросила Тесс. – Ты так и не сказала. Вы что, поссорились?

– Угу, некоторым образом, – рассеянно кивнула я, ища глазами трактирщика или его дочку, чтобы сделать заказ. Без выпивки сегодня точно не обойтись, и начать процесс хотелось как можно скорее. – Мы разошлись. Ну, или если совсем уж откровенно, он от меня ушел.

– Не может быть! – всплеснула руками Рози. – Почему?

– Не почему, а к кому? – поправила ее Тесс.

Я невесело усмехнулась. В отношениях между мужчинами и женщинами Тереза понимала куда больше нашей общей подруги. Сказывался более богатый опыт, а может быть, и просто природная наблюдательность.

– Угадала, – кивнула я. – К Агнессе ван Солк, помнишь такую?

– Что, к этой белобрысой… виолончели? – изумилась Тесс. Ее слова сопровождались жестами, призванными изобразить соответствующие округлости.

– Как он мог в нее влюбиться, после тебя-то? – возмутилась Рози.

– Ага, влюбиться, как же! – снова проявила проницательность Тесс. – К блондиночке прилагается несколько домов, штат слуг, куча золота и немного бриллиантов, так, по мелочи. До любви ли Норману при таком-то раскладе?

– Он вернется, – уверенно сказала Рози. – Поймет, какую ошибку совершил, и вернется.

– Вернуться он, конечно, вполне может, – снова внесла поправку Тесс. – Но вовсе не потому, что что-то там поймет. Просто в один прекрасный момент блондиночка с ним наиграется и выгонит. И тогда ему снова понадобится надежный тыл. И ты, – она ткнула меня указательным пальцем в грудь, – будешь полной дурой, если пустишь его назад.

– Не решай за нее, – возмутилась Рози. – Аби сама разберется, пускать его или нет.

– Конечно, она сама разберется, – не стала спорить Тесс. – Но если пустит, то будет дурой. Одно другому не мешает. Сколько он у тебя крови выпил! – снова обернулась она ко мне. – Не говоря уже о деньгах!

– Он деньги не пил, – отозвалась я.

– Зато тратил. – Тесс не настроена была шутить. Я тоже, но идея говорить серьезно нравилась мне еще меньше. – Он же вообще не работал, был полностью на твоем содержании!

– Не полностью, – поморщилась я. – Ты говоришь об этом так, что картина получается совсем уж неприличной. Можно подумать, я держала у себя жиголо.

– Ну, жиголо – не знаю, а альфонса так точно.

– Это одно и то же. И ничего подобного. Когда мы начали встречаться, он работал. Потом его уволили, такое может случиться с каждым. Он и сейчас, между прочим, работает… иногда. По чуть-чуть.

Я замолчала и отвела взгляд в сторону. Как бы я ни старалась защитить Нормана, а может быть, и саму себя, но с фактами не поспоришь. Последнюю пару месяцев он действительно жил исключительно на мои деньги, а работу особо и не искал… Не так чтобы меня это совсем уж не тревожило, но я была настолько поглощена своей собственной профессиональной деятельностью, что имела прекрасную возможность отложить неприятные размышления в долгий ящик.

– С каждым может случиться, говоришь? – фыркнула Тесс. – Допустим. Но его уволили, а тебя почему-то нет.

– Ну ты сравнила, – отмахнулась я. – Кто же меня уволит? Меня, знаешь ли, заменить совсем непросто.

Настроение хоть немного, а улучшилось: своими профессиональными достижениями я гордилась. Хоть мы с моим начальником и ругались порой, как кошка с собакой, но он отлично знал, что я – одна из лучших в своем деле, и искренне ценил мою работу.

– Вот видишь: тебя заменить нельзя, а Нормана можно, – подытожила Тесс. – Так что пора бы и тебе подумать о том, на кого его заменить.

– Вот! Умница! – похвалила я. – Как раз об этом я и хотела с вами поговорить.

И я изложила подругам свой план страшной мести, заодно вкратце пересказав, почему мне не удалось приступить к его исполнению до сих пор. Когда я закончила, Рози задумчиво барабанила пальцами по столу, а Тесс оценивающе смотрела на меня, прикусив губу.

– Только не надо меня отговаривать, – поспешила добавить я. – Это взвешенное решение, оно уже принято и обжалованию не подлежит. Лучше помогите мне

подобрать кандидатуру на роль первого встречного.

– Отговаривать не будем, – пожевав губами, констатировала Тесс. – Во всяком случае, я не буду. Раз решила, значит, так и делай. Думаю, тебе не понравится, но такой опыт тоже по-своему полезен.

– Тогда давайте хоть кого-нибудь поприличнее подберем, – подключилась к авантюре Рози.

– Вот-вот! – воодушевилась я. К поиску первого встречного теперь хотелось подойти поосновательнее. – Вы ведь здесь уже давно сидите? Можете кого-нибудь порекомендовать?

– Так… – Тесс с деловым видом потерла руки. – Женатые тебя, как я понимаю, не интересуют?

– Конечно нет! – воскликнула за меня Рози. – Зачем ей женатый первый встречный? Это же совершенно бесперспективно!

– Рози, мы здесь не за перспективами, – напомнила я. – Мне только кого-нибудь найти, быстренько изменить Норману, а потом домой – и баиньки. Мне завтра на работу рано вставать!

– Даже и не думай возвращаться домой. Здесь останешься, – отрезала Тесс. – Иначе какой во всем этом смысл? Норман должен узнать, что ты провела с другим мужчиной ночь.

– Что, обязательно всю ночь? – расстроилась я.

– Конечно.

Тон у Терезы был не терпящий возражений.

– Ну ладно. – Я обреченно вздохнула. – Но в любом случае женатого не надо. Зачем мне потом проблемы? Мне надо так, чтобы провели время, разбежались и забыли.

– А вот этого не хочешь? – поинтересовалась Рози, указывая на одного из тех двоих, что по-прежнему сидели возле стойки.

Сейчас кандидат вполоборота повернулся к залу, поэтому я могла рассмотреть его получше. Молодой мужчина лет эдак двадцати пяти производил впечатление человека, упорно и бескомпромиссно двигающегося к достижению своей цели. Цель его заключалась в том, чтобы напиться. Я изумленно уставилась на Рози. Вот уж не ожидала от подруги, что она попытается подложить мне такую свинью! Кстати сказать, подложить не только в переносном смысле, но и в прямом тоже…

– Что, вот этого аристократика?! – возмутилась я. – Вот это высокомерное ничтожество, которое думает, что сделало всем нам одолжение, посетив сие жалкое заведение? С таким кислым лицом, будто он только что слопал целую бочку клюквы?

– Да какая разница, аристократ он или нет? – поморщилась Тесс. – Оставь на время свои предубеждения. В нашем деле дворянин – это как раз очень даже неплохо. Очень даже кстати. Пусть Норман знает, что не только он может найти себе аристократку; тебе стоит только свистнуть – они тоже как мухи на мед слетятся.

– Я не хочу, чтобы как мухи на мед! – возмутилась я. – Я вообще не хочу с ними связываться.

– А насчет кислой физиономии могу тебя успокоить, – продолжала гнуть свою линию Тесс. – Он только что разругался с девушкой. Ты поздно пришла, а мы с Рози эту картину наблюдали. Вроде бы она ему с кем-то изменила, а он как-то об этом проведал или просто что-то такое почувствовал, увидев, как она общается с тем мужиком. Ну и, в общем, здесь была сцена, короткая, но весьма запоминающаяся.

– И что мне теперь, соболезнования ему выразить, что ли? – фыркнула я.

Ох уж эти аристократы, мне бы их проблемы! Ах да, о чем это я…

Тесс с Рози красноречиво переглянулись.

– Послушай, меня начинает пугать стремительное понижение уровня твоего интеллекта, – заметила Тесс. – У него те же цели, что и у тебя! Вы с ним сейчас товарищи по несчастью. Наверняка он тоже не упустит возможности отомстить своей девице. По горячим следам, так сказать. Поэтому давай настройся и иди бери быка за рога!

Я помотала головой.

– Не хочу. Давайте кого-нибудь другого, без рогов, попроще и лучше светловолосого.

– Любовь к блондинам тебя погубит, – вздохнула Тесс.

– Кто бы говорил! – возмутилась Рози. – У тебя самой муж блондин!

– Кевин – исключение. Ну хорошо, если аристократ-брюнет тебе не подойдет, как насчет Жоржа Рейги?

– Это кто такой, с чем его едят? – осведомилась я.

– Да вон, за тем столом, по левую руку от Руперта, видишь? – указала Тесс.

– Хм… Ну да, блондин. Но только какие-то у него глазки маленькие, нос крючковатый, и вообще не первый сорт, – привередливо скривилась я.

– Хорошо, а может быть, Джереми? Ты же его встречала, верно?

Тереза кивнула на другого молодого человека, сидевшего через два столика от нас.

– Джереми? Да он же тупой, как тренировочная рапира! – возмутилась я.

– Ну а если Райан? – робко предложила Рози.

– Он мне не нравится, – возразила я. – Скупой и начисто лишен чувства юмора.

– Слушай, ты первого встречного себе ищешь или спутника жизни? – возмутилась Тесс. – Чувство юмора-то тебе зачем? В постели обхохотаться?

– Если хочешь знать, то в такой идиотской затее без чувства юмора никак! – вспылила я.

– Так еще не поздно все отменить. Ты передумала? – ехидно прищурилась Тесс.

– Ни за что! – отрезала я. – Если это понадобится для мести, лягу хоть с Джереми, хоть с Райаном, хоть с обоими сразу. Хоть даже с тем дворянчиком, – добавила я для красного словца наиболее жуткий, как мне казалось, вариант.

– А если Ланс? – проговорила вдруг Рози.

– Подруга, ты молодец!

Тесс захлопала в ладоши так, словно мужчину присматривали для нее. Я ухмыльнулась. Что вообще здесь сейчас происходит? Мне, не самой, прямо скажем, развратной девице, выбирают любовника на одну ночь беременная женщина и бывшая монашка! Монашкой в буквальном смысле слова Тесс никогда не была, но в подростковом возрасте родители действительно отдали ее на воспитание в монастырь. Выйдя оттуда, она сразу пустилась во все тяжкие, но год назад остепенилась, встретив Кевина, который искренне полюбил ее и принял вместе с ее прошлым. И вот теперь две эти до тошноты верные супруги изо всех сил пытались сбагрить мне хоть какого-нибудь мужчинку! Мой приятель Люк сказал бы сейчас, что я плохо влияю на людей. А я бы ему, как и всегда, ответила, что это люди плохо влияют на меня…

– Ну, что там за Ланс такой? – спросила я, отвлекаясь от собственных мыслей. – Имя мне нравится.

– А вон, погляди, он тоже в компании Руперта.

Тесс даже привстала со скамьи, торопясь показать мне столь воодушевившую ее кандидатуру. Я присмотрелась. А что, и вправду ничего. Интересный, почти красивый. Высокий, светловолосый. Любопытно, какого цвета у него глаза, отсюда не видно. Вообще он на Нормана похож, только волосы чуть покороче и

подбородок пошире…

– Ладно, пожалуй, сгодится, – милостиво кивнула я.

– Так что, я пойду его приведу?

Тесс всегда любила действовать быстро и решительно. В общем-то в этом мы с ней совпадали. Только не в данном конкретном вопросе…

– Нет, подожди. Сначала я должна выпить. Где, черт возьми, этот трактирщик? – возмутилась я. – Сколько его можно ждать?

– Не сердись. Видишь, сколько народу в заведение набилось? А дочка его сегодня приболела, вот он в одиночку и вертится, – объяснила Рози.

– Ладно, ничего, сама схожу.

С этими словами я встала со скамьи и стала пробираться обратно к стойке.

– Привет, Дик! Мне «Зеленую звезду», как обычно, – сказала я наливальщику, усаживаясь на один из свободных высоких стульев.

– Будет сделано, – весело кивнул тот и принялся колдовать над бокалом.

Чуть-чуть понаблюдав за виртуозной работой парня, я скосила глаз в сторону несостоявшегося кандидата в первые встречные, сидевшего слева от меня, – того самого аристократа. В общем-то не так уж и плох. Не такой красавчик, как Норман, но подобные мужчины вообще редкость. А так… Темно-серые глаза, широкие скулы, прямой нос, узкий подбородок… Темные волосы – это не в моем вкусе, но многим нравится. И рост вроде ничего, и мускулатура, кажется, имеется. Ну, не важно, я с первым встречным уже определилась, зачем же мне еще и второй?

Дик вручил мне вожделенный напиток, и я с удовольствием приложилась к бокалу, не торопясь пока возвращаться к подругам. Хотелось немного посидеть в одиночестве. Какая жалость, что эту ночь придется проводить непонятно с кем!

Дворянин сидел с откровенно скучающим видом, держа в руке бокал, на дне которого поплескивала какая-то синеватая жидкость. Мне ничего такого пробовать не приходилось.

– Не желаете почитать новый выпуск «Торнсайдских хроник»? – осведомился Дик, протягивая моему соседу недельник[1 - Недельник – журнал. Изначально такие журналы издавались раз в неделю, отсюда и название. В настоящее время выходят раз в месяц.].

Тот поморщился так, словно ему в бокал подбросили жука, причем не дохлого, а вполне энергично копошащегося.

– Я что, похож на какого-нибудь ленивого лакея или безмозглую домохозяйку, чтобы читать эту муру? – возмутился он.

Я почувствовала, как в груди заклокотала ярость. Домохозяйку, вы только послушайте! Дик бросил на меня быстрый взгляд.

– Вы несправедливы, господин, – примирительно заметил он. – Здесь есть очень интересные статьи, далеко не только для домохозяек. Про военные действия на границе, про литературу, про работу звездочетов, и даже биографии выдающихся людей. А еще совсем недавно была статья про грабителей, которая получила широкий резонанс.

– Про грабителей? – фыркнул мой сосед. – И чем же такая статья могла кого-то заинтересовать? Там что, был приведен список мест, в которых они прикопали награбленное?

Я прикусила губу. В известном смысле – неплохая идея. Впрочем, после такой статьи грабители с удовольствием прикопали бы ее автора.

– Нет, этого не было, – признал Дик. – Зато грабители описаны там с совершенно неожиданной стороны. Не как потерянные для общества преступники, а как живые люди, которых толкнула на такую стезю нищета, социальная несправедливость или иные причины, личного характера.

Глаза дворянина расширились, и он недоверчиво покачал головой.

– Какой идиот это написал?

Я сделала очень глубокий вдох, стараясь держать себя в руках.

– Не идиот, – поправил Дик. – Статью написала женщина.

– Ах женщина? Ну, тогда понятно, – удовлетворенно кивнул сосед. – Тогда ясно, откуда берутся такие розовые сопли. Подозреваю, что ни одного грабителя она в своей жизни в глаза не видела. Любопытно, что она скажет после того, как эти сами живые люди раздвинут ей ноги в какой-нибудь темной подворотне.

Тут я уже смолчать не смогла.

– Во-первых, – сквозь зубы сказала я, старательно игнорируя Дика, смеющегося в кулак, – грабитель и насильник – это совершенно разные вещи. Во-вторых, профессиональный беседчик[2 - Беседчик – журналист, который берет интервью (т. е. проводит беседу).] никогда не станет писать статью, не собрав предварительно качественный и проверенный материал, а следовательно, он непременно встретится с теми, о ком пишет, и не один раз. А в-третьих, вам неплохо бы воздерживаться от рассуждений на темы, в которых вы ни черта не смыслите!

– Абигайль – газетчица[3 - Газетчик – журналист.] и автор той самой статьи, – уточнил Дик на случай, если кто еще не понял.

Гордо хмыкнув, я соскочила со стула, на ходу опрокидывая бокал с бурого цвета жидкостью, приготовленный наливальщиком для моего соседа. Меткость никогда не была моим слабым местом. На брюках дворянчика моментально образовалось внушительных размеров пятно.

– Можете прислать мне счет за напиток, – с неприятной улыбочкой сказала я и, прихватив свой бокал, направилась обратно к подругам.

– Вот мерзавец! – ругнулась я, усаживаясь на прежнее место.

– Что? О чем вы говорили? – с интересом спросила Тесс.

– Он что, чем-то тебя оскорбил? – подключилась к расспросам Рози. – Неужели сделал тебе непристойное предложение?

– Думай, что говоришь! – отмахнулась от нее Тесс. – В этом как раз ничего оскорбительного бы не было: она и сама чуть было не сделала ему точно такое же предложение.

– Я – ему?! Да никогда! – возмущенно воскликнула я. – Даже бы и не подумала! И вообще, он меня оскорбил как специалиста.

– Что, ему не понравилась какая-то твоя статья?

– Ага, не понравилась! Заочно!

– И что, он прямо так тебе в лицо об этом сказал? – всплеснула руками Рози.

– Ну, вообще-то он не знал, что это я ее написала.

– На что же ты в таком случае так злишься?

– А на то! Нечего говорить гадости про людей, о которых ничего не знаешь! – отрезала я. – И хватит об этом.

– Так я зову Ланса? – бодро спросила Тесс.

– Погоди! – хмуро остановила ее я. – Я еще недостаточно выпила.

Сделав большой глоток, я попыталась настроиться на интрижку с первым встречным. Черт бы побрал этого брюнета, он испортил мне все настроение.

– Ланс Лансом, но в первую очередь тебе надо подумать о работе над ошибками, – заметила тем временем Рози. – Норман, может, и порядочный мерзавец, но ты должна вынести из этой истории как можно больше пользы.

– Что ты хочешь этим сказать? – нахмурилась я.

– Подумай, в чем ты сама вела себя неправильно, чтобы не перенести свои ошибки в следующие отношения.

Я с подозрением покосилась на Рози. По-моему, эта оптимистка все-таки думает, что у нас с Норманом есть шанс помириться, и потихоньку пытается подготовить меня к такому повороту. Но если, выходя из дома, я еще верила в подобное развитие событий, то теперь эта вера сошла на нет.

– И в чем это, например, я могла вести себя неправильно? – уточнила я.

– Ну, не знаю… – Рози слегка смутилась. – Ну, например, может быть, Норман упрекал тебя в том, что ты слишком много времени уделяешь работе?

– Вроде бы упрекал, было дело, – признала я.

– И что ты тогда ему ответила?

– Ничего, я была слишком занята статьей.

Подруги переглянулись.

– Ну хорошо, а как насчет того, какая ты хозяйка?

– Нормальная я хозяйка, – отозвалась я, окончательно расправившись с содержимым бокала и попутно приходя к неутешительному выводу: маловато будет. Потихоньку улетучившаяся готовность прыгать в постель к первому встречному, скажем прямо, вновь пока еще не прорезалась. – Подумаешь, несколько мелочей не люблю делать.

– Например, каких? – настойчиво потребовала подробностей Тесс.

– Ну, например, подметать пол, мыть посуду, стирать и готовить, – принялась перечислять я.

– И как часто ты это делаешь? – осведомилась Рози.

– Что, пишу статьи?

– Нет, скажем, подметаешь.

Я задумалась, припоминая, когда занималась уборкой в последний раз. Не припомнила и ответила:

– Все зависит от того, как часто приходят гости.

Тесс и Рози снова переглянулись.

– Знаешь, когда ты соберешься выходить замуж, постарайся приглашать в дом гостей как можно чаще, – посоветовала последняя.

Я отмахнулась.

– А про пыль на полках – это вообще сам Норман виноват, – пробурчала я. – Нечего было лапать полку пальцами. С пылью ведь самое главное что?

– Что? – подались вперед подруги.

– Не трогать поверхность! – наставительно произнесла я. – Тогда никто даже не догадается, что эта самая поверхность грязная. Главный секрет пыли в том, что она должна лежать равномерно. И всем хорошо.

Ну да, я терпеть не могла заниматься домашним хозяйством. Не любила, да, по правде сказать, и не умела. Конечно, хорошо было бы нанять служанку, чтобы раз и навсегда перестать беспокоиться по этому поводу… Но это слишком дорого стоило.

– Слушайте, хватит смотреть на меня с осуждением, – разозлилась я. – Что тут такого? Статьи писать гораздо интереснее.

– Абигайль, скажи, только честно, – обратилась ко мне Тесс. – Когда вы с Норманом занимались любовью, ты была хотя бы немного сосредоточена на процессе или тоже всю дорогу думала о статьях?

Это была очень трогательная картинка: Тереза смотрела на меня с мольбой в глазах, молитвенно сложив руки.

– Что ты, конечно же нет! – заверила ее я. И, услышав вздох облегчения, добавила: – Только перед сдачей нового номера.

От возмущенной тирады Тесс меня спасла Рози. Схватив меня за рукав, подруга изумленно прошептала:

– Сюда идет Дик!

Я умышленно сидела, повернувшись к наливальщику спиной, и потому не могла видеть происходившего за стойкой после моего ухода.

– Что, тот нахал все-таки надумал прислать мне счет? – равнодушно осведомилась я.

– Нет, – покачала головой Рози. – Кажется, все совсем наоборот.

Я непонимающе нахмурилась и обернулась как раз вовремя, чтобы встретиться взглядом с остановившимся у нашего столика наливальщиком.

– Джентльмен просил передать, что приносит свои извинения, – ухмыляясь, сообщил Дик. – Он прислал вам эти напитки в надежде, что это искупит его вину.

С подноса на стол перекочевали: «Зеленая звезда» для меня, пунш для Тесс и лимонная вода для Рози.

– Он что, даже не разозлился? – изумилась я.

– Ну почему, сперва очень разозлился, – ухмыльнулся Дик. – А потом рассмеялся и спросил, что пьет сердитая газетчица и ее подруги.

– Ого, по-моему, тут что-то наклевывается, – многозначительно прищурилась Тесс.

– Ничего не наклевывается, – отрезала я, тайком делая подругам знак попридержать язык. Кто его знает, этого Дика, а вдруг ему вздумается сболтнуть лишнего тому темноволосому? – И вообще, этот парень сильно ошибается, если думает, что может загладить свою вину при помощи каких-то там напитков! – Немного подумав, я добавила: – Передай ему, пускай пришлет еще столько же, и мы в расчете.

Дик отправился назад к стойке. Судя по широкой ухмылке на его лице, дальнейшее развитие событий наливальщик предвкушал с удовольствием.

– Тебе не кажется, что ты немного обнаглела? – прямо спросила Рози.

– А что такого? – возразила я. – Не обеднеет. А я чувствую, что двух бокалов «Звезды» мне для первого встречного не хватит. А вот три – это будет в самый раз.

– То есть давай-ка уточним, – проговорила Тесс. – Ты собираешься напиться за счет одного мужчины, чтобы переспать с другим. И все это ради того, чтобы досадить третьему?

– Мне нравится такая формулировка! – воскликнула я и в подтверждение своих слов как следует приложилась к бокалу.

– Смотрите-ка, Дик ему что-то говорит, наверное, излагает твое предложение, – заметила Рози.

– Я смотреть не собираюсь, – заявила я. – Вы сами посмотрите и предупредите меня, в случае если он ринется сюда с каким-нибудь тяжелым предметом наперевес.

– Боюсь, тяжелого предмета не будет, – задумчиво проговорила Тесс пару секунд спустя.

– Чего там? – спросила я, по-прежнему не собираясь оборачиваться.

– По-моему, он усмехнулся. Дик начинает смешивать напитки… Да, тебе везет. Наглость в который раз сошла тебе с рук, – удовлетворенно заключила Тесс.

Вскоре Дик возвратился к нам с очередным подносом.

– Что он сказал? – с нетерпением спросила Рози.

Улыбка наливальщика стала еще шире, чем прежде.

– Сказал, что, если талантливая газетчица желает напиться, он не смеет ей в этом препятствовать, – со смехом ответил он. – Брось, Абигайль! – добавил Дик, видя, что я снова начинаю закипать. – Он действительно не хотел тебя обидеть и признал, что ситуация получилась неловкая.

– Ну, а я что говорила? – воскликнула Тесс с неприятно заговорщицким выражением на лице. – Может, все-таки его?

– Поздно, – тоскливо возразила Рози.

На этот раз обернулась даже я. Темноволосый парень о чем-то беседовал с подсевшей к нему девушкой. Кстати сказать, блондинкой.

– Ну, Бетси его точно окрутит, – вздохнула Тесс. – Она подолгу выбирать первого встречного не привыкла.

– Слушай, Абигайль, не подпишешь недельник для моей матери? – попросил Дик, извлекая на свет свежий номер «Хроник».

– Давай, – не стала возражать я.

– Вот это здорово, спасибо тебе большое! Ты знаешь, мать – твоя горячая поклонница. Очень гордится тем, что я с тобой знаком. Понимаешь, она домохозяйка, делать ей особо нечего, и вот чтение недельников помогает ей коротать время…

Дик замолк под моим тяжелым взглядом и, осторожно выхватив подписанный недельник, поспешил ретироваться. Я мрачно приложилась к третьему бокалу.

– Ну, давайте сюда своего Ланса! – решилась я наконец.

Ланс оказался вполне неплохим парнем – компанейским, в меру разговорчивым и с чувством юмора. Поднимаясь вместе с ним по крутой лестнице, я чуть нос к носу не столкнулась с темноволосым аристократом, который с той же самой целью вел наверх блондинку Бетси. Пока Ланс открывал предназначенную нам комнату, брюнет проворачивал ключ в двери напротив.

«Пожалуй, надо было все-таки выбирать темноволосого, – подумалось мне. – Может, пока не поздно, предложить поменяться? Наверняка всем здесь все равно». Разумеется, вслух я ничего подобного не сказала, и несколько секунд спустя обе двери затворились, оставляя коридор опустевшим.

На кровати была застелена свежеприготовленная постель, а на столе одиноко горела оплывшая свеча.

– Ты как предпочитаешь: со светом или без? – спросил Ланс.

– Давай лучше без, – ответила я.

– Как скажешь.

И он задул свечу.

Глава 2

Хроника ночных происшествий

Стояла глубокая ночь. В давно наступившей тишине было слышно, как за приоткрытым окном отчаянно стрекочут кузнечики. Ланс безмятежно посапывал рядом; мне же до сих пор так и не удалось уснуть. Состояние было препаршивое. Нет, в целом все прошло нормально, но Тесс права: такие выкрутасы не для меня. Чувствовала я себя сейчас практически шлюхой. Приводимые рассудком доводы на эмоциональное состояние никак не влияли. Даже такой мощный аргумент, как то, что сделала я это вовсе не за деньги, душу почему-то не грел. А разум и вовсе заявлял, что тем глупее. В конце концов, мне надоело без толку ворочаться, и я осторожно выбралась из кровати, иррационально боясь, что Ланс

проснется и придется что-то ему объяснять или вообще с ним разговаривать. Не проснулся. Потихоньку одевшись и прихватив коричневую кожаную сумку, которую всегда и везде носила с собой, я выскользнула из комнаты.

Спустилась вниз, не отрывая руку от перил и мысленно отсчитывая ступеньки. Зал был почти пуст. Дик подремывал за стойкой: напитки в трактире можно было приобрести практически до самого утра. Уборщица, работавшая по ночам, когда почти все посетители расходятся по домам или по своим комнатам, сосредоточенно протирала столы.

– Не спится?

Я чуть не подскочила от неожиданности. Везет нам на встречи. Темноволосый сидел в углу, прислонившись спиной к стене. На столе перед ним одиноко стояла высокая кружка.

– А-а, – мотнула головой я.

Он жестом пригласил меня подсесть. Почему бы и нет? Все равно в остальной части зала сейчас убираются. Я опустилась на скамью напротив дворянина, потихоньку косясь в его сторону, но стараясь разглядывать не слишком откровенно. Сейчас его вид не был таким уж высокомерным, скорее отрешенным. Возможно, виной тому был легкий беспорядок в одежде, не позволявший ему выглядеть так по-аристократически неприступно, как вечером. Чуть растрепанные волосы, колет, не застегнутый на пару верхних пуговиц, слегка засученные рукава – такие мелкие штрихи придавали темноволосому какой-то более человеческий, что ли, вид. Я торопливо отвела взгляд от украшавшего брюки пятна.

На мизинце левой руки поблескивала серебряная печатка. Значит, неженат. Удобно у них, у аристократов, все устроено. По одному взгляду на руку мужчины можно определить, холостяк или нет, по крайней мере, в случае со старшими сыновьями. В каждом роду у них есть такое венчальное кольцо, которое передается от отца к сыну и надевается на палец невесты во время церемонии обручения. Когда-то, несколько столетий назад, жениться в случае потери такого кольца становилось практически невозможно. Поэтому венчальные перстни берегли как зеницу ока и по большей части вовсе с ними не расставались. Так и возникла традиция вплоть до помолвки носить такое кольцо

на пальце. Должно быть, в те давние времена мужчины принципиально отличались от сегодняшних. Поскольку большинство представителей сильного пола из тех, кого я знаю, нарочно заныкали бы венчальный перстень куда-нибудь подальше, будь в их распоряжении столь легкая отмазка от женитьбы… Впрочем, дворяне к браку относятся несколько иначе, у них вопрос продолжения рода и наследования титула стоит ребром… В любом случае на сегодняшний день жениться при желании можно и без кольца, хотя без небольшого скандала при этом не обойтись. Сразу возникает вопрос, а не успел ли жених вручить свой перстень другой девушке прежде, чем сговорился с сегодняшней невестой.

Впрочем, матримониальный статус дворянина интересовал меня в последнюю очередь, как, без сомнения, и его – мой собственный. Так что, закончив свои наблюдения, я по привычке извлекла из сумки бумагу, перо и компактную переносную чернильницу и принялась писать. Время от времени я останавливалась и принималась пощелкивать пальцами, задумчиво глядя в потолок, а потом снова возвращалась к прерванному занятию.

– Статью пишешь?

Я даже не сразу заметила, что темноволосый наблюдает за моими действиями с легкой усмешкой на лице.

– Да, – соврала я.

Вовсе и не статью я писала, а, если на то пошло, стихи. Я часто так делаю, когда у меня совсем уж плохое настроение. Стихи при этом получаются, прямо сказать, не очень, зато отрицательные эмоции вытягивают на ура. Но я ни за что никому не призналась бы в том, что именно сейчас писала. Ни Тесс, ни Рози, ни Люку, ни уж тем более этому дворянчику.

Я оглянулась на щуплую девочку-уборщицу, неловко мнущуюся в паре шагов от меня.

– Вы не могли бы ненадолго пересесть? Всего на две минуточки.

Судя по ее виду, девушка заранее приготовилась к возмущенной тираде с моей стороны; как видно, от посетителей ей довелось наслушаться всякого. Но я барышня негордая, особенно этой ночью. Так что, бросив взгляд на

темноволосого и не увидев возражений, я перебралась на его сторону. При этом предусмотрительно спрятав свои бумаги в сумку.

Усевшись на новом месте, я с немалым удивлением обнаружила кипу недельников, лежавшую на скамье возле моего соседа. Не съязвить по этому поводу было выше моих сил.

– Благородный господин внезапно ощутил себя домохозяйкой? – осведомилась я, подняв брови.

– А чем еще прикажешь здесь заняться в такое время? – равнодушно пожал плечами он.

– По-моему, у вас наверху осталось прекрасное занятие.

Я многозначительно возвела глаза к потолку.

– Сама-то чего здесь сидишь? – насмешливо фыркнул он.

Резонно.

– Да ладно тебе, не кипятись, – продолжил темноволосый, рассеянно перелистывая один из недельников. – Это ты подписываешься инициалами «А. А.»?

– Ну да, Абигайль Аткинсон, – не без удивления ответила я.

Ах да, он же знает, что я написала про грабителей. В таком случае несложно было определить, как подписаны мои статьи.

– У тебя неплохой слог, – заметил он. – И, кажется, нет ни одной нормальной темы. Грабители, брачные аферисты, циркачи, менестрели и даже восточные шаманы.

– На эти темы интересно писать, – пожала плечами я, – и читать об этом, кстати, тоже. А что вы называете нормальной темой? Светскую хронику? Так с чего вы взяли, что хоть кому-то интересно знать про все эти ваши балы, браки и

сплетни? Тем более что за одно неосторожное слово можно с легкостью загреметь в Стонридскую тюрьму.

Может показаться, что я играла с огнем, столь непочтительно разговаривая с аристократом. Но дело в том, что было вполне очевидно: этот дворянин не слишком высокого полета. Среди аристократов ведь тоже не все равны; в их рядах иерархия почище, чем среди военных. Сначала, ясное дело, король, Рауль Первый, ну, потом кое-кто из его приближенных, это вне конкуренции. Дальше идут герцоги, затем графы, бароны и прочие. А дворяне попроще, без громких титулов и сверхъестественных богатств, не настолько уж и высоко стоят над нами, людьми без происхождения, зато с образованием и профессией. То есть разница, конечно, имеется, но не такая громадная, чтобы бояться лишний раз вздохнуть в их сторону. Разумеется, они вхожи в те дома и на те церемонии, куда нет доступа нам. И конечно, для нас в целом ряде сфер существует стеклянный потолок. Но даже он в последнее время становится все более хрупким. Особенно с тех пор, как сам король завел личного секретаря, обладающего академическим образованием, но лишенного дворянского происхождения. Новость, которая, кстати сказать, чрезвычайно воодушевила людей того класса, к которому принадлежала и я.

– Не заводись. – Похоже, мой тон темноволосого не разозлил, скорее так, позабавил. – Я не говорил, что ненормальная тема – это плохо. Скажи лучше, где ты находишь материалы. Как ты, к примеру, писала про грабителей?

– Обыкновенно. – Я даже растерялась от такого вопроса. – Пообщалась с ними, проанализировала беседы, сделала выводы, написала статью. На каком пункте остановиться поподробнее?

– На нулевом. Откуда ты вообще взяла грабителей? Они ведь по улице с табличками не шляются. Или ты долго ходила по темным переулкам в поисках приключений, ждала, пока тебя начнут грабить…

– Нет, пока ноги раздвинут, – язвительно скривилась я.

– Не важно, – отмахнулся он. – А как они появились, выскочила им навстречу с криком: «Разрешите взять у вас интервью?»

Я тихонько хмыкнула. Он даже не представляет себе, насколько это в моем духе. За исключением одного маленького нюанса: я заранее прорабатываю всевозможные детали и на дело иду хорошо подготовленной.

– Да я в Торнсайде кого угодно найду, не только грабителя! – воскликнула я. – У меня тут везде связи. Так что когда захотите подделать какой-нибудь документ, украсть фамильную реликвию или кого-нибудь убить – обращайтесь. Я запросто сведу вас с нужными людьми.

– И как я все эти годы жил без такой протекции? – тяжко вздохнул он. – До сих пор все это приходилось делать самому.

– Хотите чего-нибудь выпить? – поинтересовался приблизившийся к нам Дик.

– Что, решил размять ноги? – насмешливо спросила я.

– Да, чего-то засыпаю на ходу, – признался наливальщик. – Народу никого, а до конца смены еще пара часов.

Мне в голову внезапно пришла гениальная мысль. Рука сама потянулась к сумке и выудила несколько чистых листков.

– Дик, – ласково произнесла я, хищно сощурив глаза, – ты не стесняйся, присаживайся. Мимо тебя ведь ежедневно проходит очень много людей, верно?

– Ну да, – подтвердил, усаживаясь на скамью, наливальщик, не вполне еще понимающий, что к чему.

– И многие из них изливают перед тобой душу, делятся впечатлениями и планами на будущее, верно?

– Можно сказать и так.

– Прекрасно. – Более не таясь, я разложила на столе листы и обмакнула перо в чернильницу. – Тогда рассказывай. Какие чувства ты испытываешь по отношению к напивающимся за стойкой людям? Безразличие? Раздражение? А может быть, ты себя с ними отождествляешь?

– Если бы он со всеми себя отождествлял, то давно бы уже спился, – брякнул темноволосый.

Я эту фразу проигнорировала.

– Люди, принадлежащие к какому сословию, напиваются больше всего? – продолжала пытать парня я. – Дворяне, купцы, простолюдины, церковники? Каково соотношение пьющих мужчин и женщин? Какие напитки пользуются наибольшим спросом среди молодежи?

Дик под таким напором вжался в спинку скамьи.

– Парень, – сочувственно произнес мой сосед, – давай так: я ее подержу, а ты беги и ныряй за стойку.

Дик покосился на него, потом на меня и поспешно ретировался.

– Подумаешь! – разочарованно насупилась я, убирая в сумку так и не пригодившиеся листы. – Какие мы нежные!

Не дают, право слово, как следует отвлечься этой не слишком-то удачной ночью.

– Я всего лишь пожалел мальчика и принял огонь на себя, – насмешливо отозвался темноволосый. – Если у тебя плохое настроение сегодня ночью, это еще не повод интервьюировать все, что движется.

Я потянулась, чувствуя, что даже свет пары свечей начинает резать усталые глаза.

– Будешь много возникать, я тебя самого проинтервьюирую так, что мало не покажется, – пробурчала я, чувствуя, что вот-вот рухну под стол и усну прямо там.

Кажется, рухнуть мне помешала чья-то рука. Но подробностей я не запомнила, потому что все-таки заснула.

Меня разбудил пронзительный вопль. Я качнула головой, торопливо прогоняя сон и одновременно силясь разлепить веки. Затекшая шея тут же отозвалась тупой болью. Это ж надо было заснуть в такой странной позе… Глаза наконец-то приоткрылись, безошибочно определяя, что утро уже наступило. В зале по-прежнему было пусто, но маленькие окошки под потолком пропускали вполне яркий свет. Вскоре я поняла, почему так ноет шея. Оказывается, я умудрилась проспать полночи, положив голову на плечо своего соседа… Тот, видимо, тоже спал сидя, откинув голову назад, и был сейчас пробужден тем же возгласом, что и я.

На коже ощутимо закопошились мурашки. Неужели что-то было? Нет, ну это уже перебор. Первый встречный – еще куда ни шло, но два первых встречных за одну ночь?! Я снова прикрыла глаза, стараясь отстраниться от очередного, не менее пронзительного крика. Да нет, не может быть. Я не так много выпила. Просто, прободрствовав полночи, устала и заснула прямо здесь, только и всего. Видимо, с моим соседом произошло то же самое.

Успокоившись по этому поводу, я смогла наконец уделить внимание источнику громкого звука, коим оказалась Бетси. Уперев руки в бока, она возвышалась над нами подобно статуе древней богини-мстительницы и что-то возмущенно кричала. Я поморщилась. Вопли нещадно хлестали по еле ворочавшимся после сна мозгам, но я, кажется, начинала понимать, что произошло. Проснувшись поутру, Бетси обнаружила, что постель пуста и ее ночного кавалера в комнате нет. А спустившись в зал, увидела нас с темноволосым, мирно дремлющих практически в обнимку. В общем-то тот факт, что это зрелище не привело ее в восторг, можно понять. Вот только зачем же так орать?!

Дворянин убрал с моего плеча руку, которая вообще-то изначально лежала на спинке скамьи, и приложил ее ко лбу.

– Не надо так громко кричать, во имя Господа! – поморщился он, видимо испытывая спросонья чувства, очень близкие к моим. – Лучше пойди и возьми себе что-нибудь на завтрак.

Какое-то время Бетси продолжала стоять у нас над душой, транслируя свое возмущение весьма выразительной пантомимой. Ее глаза метали молнии, ноздри раздувались, рот то открывался, то закрывался по мере того, как она пыталась подобрать слова, а внушительных размеров бюст вздымался в такт учащенному

дыханию. Так и не дождавшись со стороны своего кавалера ни объяснений, ни оправданий, она гордо развернулась и, громко топая, зашагала к трактирщику.

– Сейчас я бы на ее месте заказала самую дорогую еду, какая есть в заведении, – тихо предупредила я.

Несколько секунд спустя до нас донесся голос Бетси, распоряжающейся принести ей кальмаров, креветок и устриц. Учитывая, что от Торнсайда до ближайшего моря было, мягко говоря, далековато, морепродукты у нас стоили много дороже любого вида мяса.

Впрочем, такое решение конфликта моего соседа, похоже, более чем устроило. Ну да, конечно, этим людям из-за цен волноваться не приходится. Я снова прикрыла глаза. До чего же все-таки нелепая сложилась ситуация! С этой ночью все идет наперекосяк.

Открыть глаза меня заставил очередной топот ног: кто-то быстро спускался по ступенькам. Ну конечно, настала очередь Ланса проснуться и обнаружить, что комната пуста. Я внутренне подобралась. Вот только сцены ревности от первого встречного мне сейчас и не хватает для полного счастья.

Проходя мимо, Ланс слегка замедлил шаг, взглянул на нас с брюнетом (мы по-прежнему сидели рядом, хоть и не в обнимку), доброжелательно улыбнулся, весело мне подмигнул и, не останавливаясь, прошествовал к выходу. Я с улыбкой отсалютовала ему вслед. Хороший все-таки парень! Может, стоило получше к нему присмотреться? Тем более что и темноволосый взирал на меня сейчас с плохо скрываемой завистью.

– А ты хорошо умеешь подбирать себе партнеров, – признал он.

А то! Еще бы не хорошо, учитывая, что я целый вечер выбирала первого встречного из доброго десятка кандидатов. Настроение стремительно улучшалось.

– В следующий раз можешь тоже уединиться с Лансом! – щедро разрешила я, заставив своего собеседника нервно сглотнуть.

Желудок как бы невзначай напомнил о том, что не повредило бы позавтракать. Интересно, не расщедрится ли темноволосый на креветки для еще одной девушки? Если для этого надо всего лишь громко повопить, так я могу, мне нетрудно… Но то, что я увидела, подняв глаза, заставило начисто забыть о еде.

На пороге трактира стоял Норман. Мой бывший собственной персоной. Стоял и сверлил меня чрезвычайно неодобрительным взглядом. Причем прийти сюда в такое время случайно он просто не мог. Ну, и что ему надо? У Рози, должно быть, имелось бы свое мнение по этому поводу, у Тесс – свое. Но лично я сомневалась и в том, и в другом. Слишком мало успело пройти времени, чтобы мой бывший осознал всю глубину совершенной им ошибки или получил от своей новой пассии под зад коленом. И это наводило на размышления.

Я мрачно смотрела на Нормана, выдерживая его недовольный взгляд. Еще вчера я бы захлопала в ладоши от радости, если бы знала, что мы повстречаемся с ним при таких обстоятельствах. Теперь же было как-то… неуютно, что ли… Хотелось, чтобы он побыстрее свалил куда подальше, а я бы лучше попробовала раскрутить своего соседа на креветки.

Но, ясное дело, ждать от Нормана, что он угадает мое желание и так-таки сразу его исполнит, было бы глупо. Подобной проницательностью он и раньше не отличался. Словно в подтверждение моих выводов, мой бывший направился через зал прямиком к нашему столу.

Бросив взгляд на мою кислую физиономию, темноволосый оценивающе посмотрел на приближающегося Нормана. Судя по выражению его лица, увиденное не слишком его впечатлило.

– Это оно? – осведомился он, не отводя взгляда от моего бывшего.

– Что?

Вопроса я не поняла, но средний род меня определенно порадовал.

– То недоразумение, которое сделало на сегодняшнюю ночь подарок этому, как его… Лансу?

Я поводила в воздухе указательным пальцем, анализируя вопрос.

– Пожалуй, можно сформулировать и так, – задумчиво кивнула я.

– Абигайль. – В голосе моего бывшего сквозил такой упрек, что я невольно ощутила вину за своих родителей, давших мне в свое время это имя. – Сколько можно тебя дожидаться?

От удивления я даже забыла, что на него обижена, и вылупила глаза в искреннем любопытстве.

– А зачем тебе было меня дожидаться? – осведомилась я. – По-моему, ты вполне ясно высказался еще в прошлый раз. У тебя своя жизнь, у меня своя.

– Да, но мне надо было с тобой поговорить. Я искал тебя дома, потом увидел Томаса, и он сказал, что ты ночуешь здесь. Я уже битый час стою у трактира.

Пожалуй, Томас заслужил бочонок вкусного эля. А если бы я заранее знала, что так сложится, безвылазно сидела бы в комнате наверху. Пусть бы Норман прождал еще часиков пять.

– И что теперь? – холодно спросила я. – Я тебе встречу не назначала. Захочешь о чем-нибудь со мной поговорить, обратись в редакцию.

– Не язви, – поморщился Норман. – Ты отобрала у меня ключ, а я даже не успел забрать свои вещи. Имей совесть, они же все равно тебе не нужны!

Ах вот оно что! Вещи! Теперь понятно, почему этот красавчик отправился меня искать ни свет ни заря, вместо того чтобы нежиться в постели со своей зазнобой. Я зло улыбнулась, смакуя свою маленькую месть.

– А я-то думала, ты нравишься своей новой красавице без одежды. Так сказать, такой, как есть, без прикрас.

– Как тебе не стыдно? – возмутился он.

– Мне?! – настала моя очередь возмутиться. – Кто из нас завел себе интрижку на стороне?

Моя реакция была вполне искренней: навряд ли наши отношения с Лансом можно было назвать интрижкой.

– Это никакая не интрижка! – Что-то подсказывало, что Норман сейчас говорил о себе. – Я же сказал тебе, что встретил большую любовь!

Разговор начинал чем дальше, тем больше меня раздражать, но сдавать позиции я не собиралась.

– Ага, большую любовь с большими деньгами, – кивнула я. – Понимаю, кошельком мне с ней никак не помериться. Ну вот пусть и докажет тебе свою большую любовь, подарив несколько новых костюмов.

– Это уже не твое дело, – отрезал Норман. Почему-то из всей его фразы меня полоснуло именно это «уже». Больно так полоснуло, и шрам, кажется, грозил остаться на приличное время. – Честное слово, Абигайль, все равно ведь тебе мои костюмы не нужны. Ну что ты собираешься с ними делать?!

– А это не твои костюмы, а мои, – распаляясь, возразила я. Мне и самой было противно от собственных слов, но, раз уж у нас пошли такие бои без правил, хотелось ударить побольнее. – Они на мою зарплату куплены. Пока ты со мной жил и расплачивался натурой, мог их носить, а теперь извини. – Я выразительно развела руками.

Самым неприятным было то, что эта мерзкая сцена происходила в присутствии постороннего. Темноволосый, похоже, и не думал о том, чтобы интеллигентно уйти. Он по-прежнему сидел на своем месте и слушал наш разговор вполне внимательно, хотя, надо отдать ему должное, не вмешивался.

Норман отомстил мне практически мгновенно, даже не догадавшись об этом. Отомстил больно и жестоко, тем, что… поверил! Человек, полгода проживший со мной под одной крышей, принял все сказанное за чистую монету! Да я бы ему сама все его вещи завтра же прислала, еще и посыльного бы для этой цели наняла.

– Послушай, я верну тебе деньги, – помявшись, выдал Норман, заставив мое лицо приобрести пунцовый оттенок. – У меня сейчас некоторые материальные трудности, ты прекрасно об этом знаешь. Но как только я слегка поправлю свое положение, сразу же с тобой расплачусь.

А теперь отступать было просто глупо.

– Вот когда поправишь свое положение, тогда и приходи, – заявила я с не терпящей возражений категоричностью. – И вообще, лучше я твои шмотки с молотка продам. Или кому-нибудь другому дам поносить. Более достойному.

– Да кто их будет носить, кроме меня?

Норман определенно настроился меня образумить. И в результате довел до белого каления. Я уже приготовилась открыть рот и высказать этому красавцу все, что накипело. Но вместо этого услышала спокойный, чуть насмешливый голос:

– Ну, допустим, я могу поносить. И что? – осведомился мой сосед, поднимаясь из-за стола.

Норман смешался. С одной стороны, он, безусловно, хотел бы сообщить незнакомому выскочке, что именно думает о поведении людей, вмешивающихся в чужие дела. Но с другой стороны, пиетет, который он испытывал по отношению к дворянам, высказаться подобным образом не позволял. Да и, возможно, он просто побаивался темной лошадки.

– Вам размер не подойдет, – пробурчал он, по-видимому, сочтя, что такой ответ был как раз на грани дозволенного.

– Ничего, я возьму нитку с иголкой и перешью.

Шутку я оценила. Вряд ли этому человеку доводилось держать в руках хоть какой-нибудь предмет домашней утвари, не считая разве что ножей, да и то метательных. Не говоря уж о том, что Нормановы костюмы нужны ему как прошлогодний снег; его собственная одежда уж точно будет подороже и покачественней. Хотя, если учитывать пятно, украшающее его брюки с моей

легкой руки…

– Кто это? – требовательно обратился ко мне Норман, словно все еще имел право задавать такие вопросы.

Впрочем, я совсем не возражала против того, чтобы ответить.

– Я провела с ним эту ночь.

А что, ведь ни единым словом не солгала! Просто в детали не вдавалась. Темноволосый едва заметно ухмыльнулся, похоже, одобрительно.

– Имя у него есть? – продолжил допрос Норман.

– Не знаю, я не спросила.

И снова чистая правда!

Мой бывший глядел на меня, хлопая глазами.

– Не ожидал, что ты можешь до такого опуститься.

Вот мерзавец! Этого он, значит, не ожидал, а что я надумаю продать с молотка его портки – ожидал?! Настала моя очередь встать из-за стола.

– А это уже не твое дело, – жестко заявила я, подходя к нему почти вплотную. – Если мне так захочется, я стану обслуживать здесь всех посетителей, и ты мне слова поперек не скажешь. Это понятно? А теперь убирайся отсюда вон.

– Да мне все равно, кого ты будешь обслуживать, – прошипел в ответ Норман. – Можешь хоть прямо здесь вон под него лечь, как последняя шлюха, только отдай мне ключ!

Он вцепился в мою сумку, стараясь запустить туда руку. Бессмысленная затея: для того, чтобы хоть что-нибудь там отыскать, нужен особый талант, тем более когда речь идет о таком маленьком предмете, как ключ. Сумка была перекинута

через мое плечо, и я почувствовала, что вот-вот потеряю равновесие. Злость заполнила все мое существо, и я была уже почти готова перейти к банальнейшему мордобою, но этого не потребовалось.

– Не стоило этого делать, – мрачно сказал темноволосый, крепко сжимая запястье Нормана.

Тот снова зашипел, на сей раз от боли, и расцепил пальцы, выпуская сумку. Я отшатнулась, а в следующее мгновение аристократ одним движением отправил Нормана в увлекательное путешествие через зал. Отлетев на несколько футов, Норман натолкнулся на стул и упал, в процессе ударившись головой о край стола. Волосы на месте удара почти сразу окрасились кровью.

Такого эффекта темноволосый, кажется, и сам не ожидал. Тем не менее в извинения не ударился и оказывать помощь не спешил, а сложил руки на груди и остался стоять на месте, бесстрастно наблюдая за копошащимся на полу Норманом.

Я прижала ладонь ко рту, гася чуть не вырвавшийся наружу крик. Когда Норман, застонав, схватился рукой за голову, у меня возникло неодолимое желание подбежать к нему, промокнуть рану платком и помочь подняться… Но я умею сдерживать свои желания, даже неодолимые. Когда считаю это нужным. И потому я тоже не сдвинулась с места, молча следя за тем, как подоспевший трактирщик, для порядка поохав, помог Норману добраться до двери.

– А ты молодец, – заметил темноволосый, усаживаясь обратно на скамью. – Я за тобой наблюдал, ты чуть не бросилась к этому парню, но сдержалась. Кто готов простить близкому человеку любую подножку, сам виноват в последствиях.

– Слушай, я вовсе не нуждаюсь в твоем одобрении, – разозлилась я.

И я совершенно не считаю себя хоть чем-то тебе обязанной, безымянный темноволосый аристократ. Думаешь, я не понимаю, что Норману ты врезал вовсе не из-за меня? У тебя со вчерашнего вечера было плохое настроение, и оно требовало выхода. Ты попытался развеяться в объятиях Бетси, но это не помогло. Вот ты и нашел себе другой способ выместить собственный негатив. Так что благодарить мне тебя точно не за что.

Брюнет равнодушно пожал плечами. Начисто позабыв о завтраке, я вышла из трактира, громко хлопнув дверью. Уходя, я услышала, как темноволосый кликнул трактирщика.

Глава 3

Колонка редактора

Летучка состоялась неделю спустя. Следовало обсудить, какие материалы каждый будет готовить в новый номер. Редакция размещалась в центральной части города, в небольшом флигеле, принадлежавшем главному куратору недельника. Помещение было простенькое и не слишком просторное, но зато уютное. Две кушетки, несколько мягких кресел, рабочий стол, в углу – огромные часы с маятником, а еще – несколько полок, заваленных старыми выпусками и прочими бумагами – вот и вся обстановка.

Центральной персоной на этом празднике жизни был Фредерик Миллер, главный куратор недельника, сокращенно – главкур, которого мы за глаза называли Петух. Фреду недавно исполнилось сорок четыре года, это был слегка седеющий, вполне импозантный мужчина, не толстый, но довольно упитанный, с короткой ухоженной бородой, круглыми щеками и карими глазами. Куратором он был прилежным, высокопрофессиональным и чрезвычайно осторожным. И хотя официально правил бал именно он, на деле наша с коллегами функция заключалась в том, чтобы, не развеивая эту иллюзию, неизменно добиваться на летучке своего.

Кроме Фреда на встрече присутствовала Мири Бронкс, личный секретарь куратора, худая девушка с круглым лицом, длинными ресницами и огромными серыми глазищами. В данный момент она была занята тем, что разливала по фарфоровым чашкам свежезаваренный чай. Остальные участники были моими коллегами-газетчиками, и в их числе – Люк Гринн. Совсем молодой на вид парень с непослушной копной волос цвета пшеницы и дерзкими голубыми глазами был на самом деле одним из лучших газетчиков, которых я знала. Выглядел Люк года на двадцать два – двадцать три, но в действительности был лет на пять старше. Он освещал такие вопросы, как военные действия, стычки на границе, поединки и кровная месть, всевозможные конфликты и

дознавательские расследования. Такая специализация требовала немалого профессионализма и изрядной смелости, в том числе и потому, что, занимаясь столь щекотливыми темами, недолго было навлечь на себя недовольство властей. Впрочем, Люк, как и мы все, неплохо чувствовал грань дозволенного, которую переходить не следовало. Он и не переходил, но иногда топтался аккурат на этой грани, в результате чего уже несколько раз попадал на серьезную беседу в местное отделение по охране порядка и даже дважды сидел в КПЗ – каменных подземных застенках. С подобных предупредительных мероприятий он уходил с раскаявшимся видом переосмыслившего всю свою жизнь человека… и снова брался за старое.

Для главкура, человека, как я уже говорила, осторожного и не любящего конфликтных ситуаций, мы с Люком были постоянной головной болью… а также теми, кто приносит недельнику наибольшее число читателей.

Итак, летучка была в самом разгаре. Мы уже успели обсудить тему Люка, который собирался осветить историю трехсотлетнего конфликта между двумя соседними государствами. Затем переключились на колонку новостей. Тут все было более или менее понятно: следовало упомянуть о паре бракосочетаний, рождении наследника в семье одного из баронов, расторгнутую помолвку принцессы Мелинды и несколько казней. Далее настала очередь отдела моды. Руководившая им Эмили Мунрид планировала подготовить на редкость смелую статью на тему длины современных платьев. В статье должен был исследоваться вопрос о том, допустимо ли для современной женщины приоткрывать лодыжки на четыре дюйма, как делали некоторые молодые девушки, или же границей дозволенного следовало по-прежнему считать три дюйма, как и в предыдущее десятилетие. Эмили планировала прийти в своей статье к тому смелому выводу, что на сегодняшний день четыре дюйма – это вполне приемлемо.

Тут тоже спорить было особо не о чем. Если бы все дерзкие статьи ограничивались подобной степенью провокационности, Фред был бы счастлив. Дискуссия возникла лишь с легкой руки Люка, с пеной у рта доказывавшего, что тема чересчур абстрактна, и потому требовавшего включить в статью иллюстрации женских ножек. Он также предлагал не останавливаться на достигнутом и к следующему выпуску приготовить статью о глубине декольте, также иллюстрированную.

– Ну а теперь Абигайль, – повернулся ко мне главкур, когда тема лодыжек наконец-то была исчерпана. – О чем бы ты хотела написать?

– У меня есть отличная идея для нового проекта, – воодушевленно сообщила я.

Эту идею я вынашивала довольно давно. Проект требовал поездки в командировку, и я решила, что сейчас, освободившись от бремени «семейной» жизни, вполне могу приступить к его реализации. Все-таки в одиночестве есть свои бесспорные преимущества.

– Постой! – Не слишком вдохновленный пылавшим в моих глазах азартом, Фред отыскал взглядом своего секретаря. – Мири, у нас есть какие-нибудь сердечные капли? Есть? Хорошо. Абигайль, продолжай.

– Так вот. Мне нужны деньги на командировку в столицу.

Фред поморщился. Деньги требовались немалые. Я осталась равнодушна к этому проявлению недовольства: необходимая сумма в редакции имелась, а материал намечался шикарный.

– И что ты будешь делать в столице? – поинтересовался главкур.

– Я хочу написать про короля.

– Абигайль, – взмолился Фред, – пожалуйста, скажи, что ты хочешь написать про какого-нибудь короля древности, который вот уже тысячу лет пылится в позабытой людьми гробнице!

Я покачала головой с безжалостной улыбкой на лице.

– Ну, тогда скажи хотя бы, что это король одной из соседних держав, желательно небольшой и не слишком могущественной.

– Не-э-эт, – радостно и со вкусом возразила я. – Я хочу написать о Рауле.

– Мири, – обреченно сказал Фред, – налей-ка мне двадцать капель.

Девушка принялась привычно отмерять дозу лекарства.

– Абигайль, во имя всех святых, но почему о Рауле?!

– Фред, – притворно изумилась я, – неужели ты считаешь жизнь нашего короля недостаточно достойной темой?

Главкур вздрогнул и быстро огляделся, так, словно рассчитывал увидеть в каком-нибудь темном углу агента тайной полиции. Люк с наслаждением откинулся на спинку кушетки и поудобнее вытянул длинные ноги. Он обожал подобные перепалки.

– Послушай, Фред, ну что ты так разволновался? – перешла на более серьезный тон я. – Я ведь не сплетни собираюсь пересказывать. Я хочу написать правду.

– Правду?! – Куратор заметно побледнел. – Мири, не двадцать капель, а тридцать!

– Ну а что тут такого? Я собираюсь написать его биографию, понимаешь? Би-о-гра-фи-ю. В этом нет ничего запрещенного.

– Биографию Рауля ты можешь найти в любой энциклопедии, – отрезал Фред. – Если хочешь в этом убедиться, я отправлю тебя в командировку до ближайшей библиотеки.

– Неслыханная щедрость, – хмыкнула я. – Это все не то. Сухо и скучно. Родился, жил, был коронован, царствует. Никакой тебе изюминки. К тому же кто имеет доступ к этим библиотекам? А у нашего недельника масса читателей.

– Абигайль, и все-таки признайся, – вздохнул Фред, – что заставило тебя остановить свой выбор именно на биографии Рауля?

– Он интересен, – пожала плечами я. – У него есть прошлое, имеется характер, он нестандартно подходит к решению сложных задач. Он – первый из длинной череды королей, кто приблизил к себе лиц невысокого происхождения, а также уделил внимание созданию новых академий. При этом он молод, красив и неженат. Идеальный материал для статьи.

– М-материал? – переспросил Фред, шокированный таким выбором эпитета.

– Ну да, – невозмутимо передернула плечами я. – Конечно, материал. А что я, по-твоему, в невесты к нему набиваюсь?

– Мири, дорогая, сорок капель, – подсказал со своего места Люк.

– Он же даже ни разу не приезжал в Торнсайд! – продолжал гнуть свою линию Фред.

– Не приезжал, – согласилась я. – И, думаю, я даже знаю почему.

– И почему же? – заинтересовалась Кейт, молоденькая газетчица, работавшая в отделе новостей.

– Потому что в юности он сидел в Стонриде, – ответила я. – Думаю, с тех пор он ненавидит наше графство лютой ненавистью.

– Король – в Стонриде? – изумилась Кейт.

– Ну, детка, он же не всегда был королем, – пояснил Фред. – Рауль, как ты знаешь, был коронован три года назад. До этого он был кронпринцем. А еще раньше, много лет назад, – всего лишь дальним родственником короля, от которого тому не мешало избавиться.

– А как же он тогда вышел из тюрьмы? – осведомилась Кейт.

– Бежал, – ответила я.

– Ух ты, как интересно!

Кейт восторженно всплеснула руками.

– Вот видишь! – воскликнула я, поворачиваясь к Фреду. – Народ интересуется! А те, кто помоложе, ничего даже толком не знают. О нем определенно надо писать.

– И что же, ты собираешься взять у него интервью? – ехидно спросил куратор.

– Конечно! – подтвердила я. – Я же профессиональная беседчица, а не дилетант!

– Да будет тебе известно, что Рауль никогда и никому не дает интервью, – с победоносным видом заявил Фред. – Тебя не пустят даже на порог дворца.

– А когда меня это останавливало?!

Куратор погрустнел. И не напрасно. Он прекрасно знал, что уж если я решила взять у кого-то интервью, то этот кто-то никуда от меня не денется, как бы он ни шифровался. И знал об этом не только Фред.

– Да-да, напомни-ка, как ты забралась к барону ван Сторну через окно? – хихикнул Люк.

Кейт, работавшая у нас совсем недавно, уставилась на меня с живым интересом.

– А что тут напоминать, взяла и забралась, – отозвалась я. – Ну и чего вы так смотрите неодобрительно? Он сам виноват. Не хотел пускать газетчиков в замок. Пришлось проявить смекалку.

– И поэтому ты решила залезть к нему в башню по плющу, – со смешком заметил Люк.

Кейт с Мири захихикали. Фред даже не улыбнулся: похоже, его память бережно хранила воспоминания о предынфарктном состоянии, в котором он оказался, узнав об этой истории.

– Вовсе и не по плющу, – раздраженно возразила я. – Что я, дурочка? У меня с собой была крепкая веревка.

– И что, как он отреагировал? – с энтузиазмом спросила Кейт.

– Нормально, – отозвалась я. – Он вообще нормальный мужик оказался. После того как прошел первый шок, даже комплимент мне сделал. Сказал, что к нему в окна никогда еще не лазили молодые красивые девушки. А потом спросил, не

собираюсь ли я еще и спеть ему серенаду.

– И как, ты спела? – заинтересовался Фред, никогда не слышавший эту историю во всех подробностях. Ему в то время и пары-тройки деталей хватило.

– Нет, я объяснила, что у меня нет слуха. Но сказала, что могу порекомендовать ему хорошего менестреля.

– Ты забыла упомянуть о самом главном, – заметила Эмили. – Он ответил на твои вопросы?

– Конечно, – подтвердила я то, что считала само собой разумеющимся. – Дал исчерпывающие ответы. И добавил, что, если мне снова захочется взять у него интервью, я могу прийти в любое время дня и ночи. Обещал всегда держать окно незапертым.

– Только не рассказывай об этом своим приятелям-грабителям, – посоветовал Люк. – Иначе барона будет ждать неприятный сюрприз.

– Почему сразу неприятный? – возразила я. – Думаешь, с грабителями не сотрудничают симпатичные девушки?

– Абигайль, так я что-то не поняла, – вмешалась Эмили. – Ты собираешься влезть через окно к королю в опочивальню?

– Если понадобится, то почему бы и нет? – невозмутимо отозвалась я.

– Да потому, что король тебя в этом случае даже в тюрьму не посадит, – предупредил Фред. – Просто отправит обратно наиболее прямым путем, то есть через то же самое окно.

– Или это сделает Айрин Рэндалл, – поддержал куратора Люк. – Наверняка твое присутствие в опочивальне Рауля не приведет ее в восторг. Доказывай потом, что ты всего лишь хотела задать пару вопросов… если успеешь, пока будешь лететь вниз с третьего этажа. Или с какого там?

– Кто такая Айрин Рэндалл? – нахмурился Брендан.

Я удивленно уставилась на немолодого коллегу. Как можно не знать подобных вещей, работая в недельнике, пусть даже провинциальном?! Ах да, он же занимается исключительно астрологическими прогнозами. Почти все время проводит в башнях у звездочетов, а те совершенно оторваны от жизни.

– Айрин Рэндалл – фаворитка короля. Двадцать семь лет, Говорящая, курирует службу безопасности Рауля, принадлежит к роду ван Лейнов, но отец – простолюдин, точнее сказать, ученый из семьи торговцев, – отбарабанила я. А что? Я всегда хорошо готовлюсь к своим проектам. – Живет во дворце около десяти лет, в статусе фаворитки – примерно столько же времени, сколько Рауль правит.

– Курирует службу безопасности? – переспросил Брендан. – У них что, мужчин на эту должность не нашлось?

– Насколько мне известно, ее предшественник был мужчиной, – пожала плечами я. – И вылетел из дворца за профнепригодность. К тому же не забывай, что она – Говорящая.

– Да, но она – женщина! – Брендан упорно гнул свою линию, не замечая, сколь синхронно Кейт, Эмили и я поджали губы в неодобрении. – И к тому же фаворитка! Сегодня она есть, а завтра на ее месте какая-нибудь другая. И что, главу службы безопасности менять с такой же частотой? И каждого – то есть каждую – посвящать во все секреты службы?

– Тут ты не прав, Брендан, – покачал головой Фред, не позволяя нам с девчонками громко возмутиться на предмет неуважения к женскому полу. – Несколько месяцев назад я был в столице и кое-что слышал по этому поводу. Говорящая – любовница Рауля уже больше трех лет, и менять он ее, похоже, не собирается. Около года назад один из королевских советников тонко намекнул, что, дескать, девчонка походила в фаворитках достаточно долго, пора и честь знать. А королю настало время найти себе невесту, остепениться и усиленно работать над наследником.

– И что? – Кейт слушала куратора с раскрытым ртом.

– А ничего. Король без предупреждения и невзирая на все прошлые заслуги отправил советника в тюрьму на два месяца.

– А потом? Изгнал? Уволил?

– Нет. По-видимому, в других вопросах этот мужик давал хорошие советы, и Рауль счел его для себя полезным. Так что через два месяца преспокойно вернул его назад, из камеры прямиком в залу для совещаний. Но с тех пор никто и слова не смеет сказать против Айрин Рэндалл… Абигайль, а что ты такое пишешь?

– …никто и слова не смеет сказать против Айрин Рэндалл, – сказала я вслух, водя по бумаге пером. – Источник информации – Фредерик Миллер.

Куратор заметно побледнел.

– Мири, сто капель! – предупредительно воскликнул Люк.

Вытянув шею, он заглянул мне через плечо и с усмешкой пробежался глазами по чистому листу бумаги, на котором красовалась лишь одна строчка ничего не значащих каракуль.

– Еще какие-нибудь темы у тебя есть? – тоскливо спросил куратор, поняв, что его разыграли.

– Ну… – Я задумчиво пожевала губами. – Вообще-то я хотела бы написать о продажных женщинах.

Люк рассмеялся, Эмили презрительно фыркнула, а Фред уставился на меня с немым упреком во взгляде. Ни то, ни другое, ни третье не произвело на меня ни малейшего впечатления.

– Абигайль, – упрек куратора наконец-то перестал быть немым, – ты можешь придумать хотя бы одну нормальную тему?!

– А что вам всем так не нравится? – возмутилась я, припомнив темноволосого дворянина из «Хмельного охотника». Любопытно, он еще сердится на мое невежливое прощание? Впрочем, навряд ли, скорее всего, он уже забыл все

события той ночи, как кошмарный сон.

– Абигайль, – увещевательным тоном начал Фред. – Когда ты писала про грабителей, они научили тебя открывать замки при помощи шпильки. У восточных лекарей ты позаимствовала рецепты их жутких порошков и знание каких-то там хитрых точек. Вот скажи мне, чему именно ты собираешься научиться у продажных женщин?

Коллеги многозначительно захихикали.

– Не беспокойся, Фред, – заверила его я, – тебе узнать о том, чему я там научусь, точно не светит.

Мои слова были встречены истеричным хохотом.

– И что же ты собираешься писать про женщин легкого поведения? Как ты станешь собирать информацию?

– Самым обычным способом. Пойду в дом свиданий, сначала поговорю с мадам, потом попрошу у нее порекомендовать мне пару девочек для интервью… А что вы ржете?

– Мне нравится эта тема! – воодушевленно воскликнул Люк. – Только, Фред, пожалуйста, отдай ее мне! Я обещаю, что буду работать не покладая рук, даже без перерыва на обед! Отправлюсь в дом свиданий и прилежно проинтервьюирую всех сотрудниц, не упущу ни одной детали. А статью мы потом напишем чрезвычайно поучительную и снабдим иллюстрациями. Уверен, число наших читателей возрастет вдесятеро! Я даже готов затем подработать на продаже номера. Очень хочу увидеть лица покупателей, когда они начнут перелистывать страницы!

Я вздохнула, слушая всхлипы съехавших с сидений на пол коллег. Все-то они опошлят. А мне, между прочим, всерьез была интересна эта тема. Одна-единственная ночь с первым встречным, притом весьма тщательно подобранным, оставила после себя столь тягостное впечатление, что я и вправду захотела получше разобраться в данном вопросе.

– В общем так, Абигайль, – заявил Фред, когда сотрудники вернулись в состояние, близкое к рабочему. – В столицу я тебя не отправлю. Не спорь! – вскинул руку он, видя выражение моего лица. – Пока не отправлю. У тебя мало опыта в написании биографий. Поэтому я хочу, чтобы ты сначала потренировалась.

– На ком? – расстроенно спросила я, чувствуя, что впереди меня ждет нудная и неинтересная работа. Наверняка придется строчить биографию какого-нибудь тупого и самодовольного дворянина, внезапно возжелавшего ничем не заслуженной славы.

– Обычно опыты проводят на крысах, – заметил Люк. – Ты можешь написать биографию крысы?

– Если в ее жизни было что-нибудь интересное…

– Так, не отвлекайтесь, – оборвал нас Фред. – Я сегодня общался с человеком из замка. Нашему недельнику оказали большую честь. Мы сможем взять интервью у Алана Рейвена, графа Торнсайдского. Вообще-то он не любит иметь дело с газетчиками… – Я фыркнула. Можно подумать, хоть кто-то из аристократов это любил. – Но лично с тобой он согласился говорить. Если помнишь, полгода назад, когда он унаследовал графство, ты писала о введенном им налоге. Этот налог был крайне непопулярен, а ты представила его как полезный для всего графства, объяснив, на какие именно цели пойдут деньги. Ну помнишь? Ты еще написала, что этот налог оправдан, «в отличие от всех прочих».

– Ну помню, помню, – кивнула я. – Ненавижу такие темы, это ты меня тогда вынудил. Но тот налог себя оправдал, так что я все правильно написала. И что теперь?

– А то, что Рейвен читал ту статью и счел ее для себя полезной. Так что он оценил твою работу и поэтому лично тебя согласен видеть у себя в замке. Так вот: иди поговори с ним и напиши его биографию. Если справишься, тогда подумаем и о командировке в столицу.

– Обещаешь? – воодушевилась я.

– Обещаю… подумать.

– Ну ладно. – Я сделала вид, что проигнорировала последнее слово. – Так и быть, будет тебе биография этого твоего Рейвена.

– Ну вот и славно, – облегченно вздохнул Фред.

– А как насчет продажных женщин? – напомнила я.

Куратор поморщился.

– Если тебе это так надо – пожалуйста. Иди и работай. Только учти: публиковать всякое непотребство не буду. Ни с иллюстрациями, ни без.

– Не беспокойся, нормальный будет материал, никакого непотребства, – заверила его я.

– Все свободны, – вздохнул Фред. – Мири, плесни-ка мне…

– Капель? – услужливо подсказала девушка, подхватывая пузырек.

Куратор задумчиво пожевал губами, провожая взглядом расходящихся газетчиков.

– Нет, водки, – решительно сказал он.

Я собиралась отправиться в библиотеку, дабы подготовиться к предстоящему интервью, но на выходе из редакции меня перехватил Люк.

– Послушай, Аби, – сказал он, бесцеремонно кладя руку мне на плечо, – мне нужна твоя помощь. Не заскочишь со мной по одному адресу?

– По какому? – насторожилась я, не торопясь ничего обещать.

С Люка станется захватить меня в стонридскую пыточную, чтобы я постояла на шухере, пока он будет исследовать пятна крови на инструментах.

– Не беспокойся, ничего криминального, – поспешил заверить меня газетчик. – Мне просто нужно попасть в некий архив, а я боюсь, что одного меня туда могут не пустить. Видишь ли, я пишу о конфликте между двумя кланами и пытаюсь докопаться до сути. А дело очень давнее, и информации не хватает. Судя по имеющейся у меня библиографии, довольно важные сведения могут обнаружиться в исторической монографии Ингрима Светлоликого, но ни в одной из торнсайдских библиотек ее нет. Копий этой книги вообще было сделано очень мало, да и из тех половина сгорела в пожарах. Короче, одна копия хранится в частном архиве Алисдейров. Но ты же знаешь, люди этой породы нашего брата газетчика близко к себе не подпускают. А ты ведь умеешь находить всякие способы пробираться в дома к дворянам. Вот я и подумал: может, подсобишь?

– Алисдейры, Алисдейры… – Имя ни о чем мне не говорило. – Это далеко?

– Да нет, отсюда в трех кварталах.

– Ну ладно, тогда пошли.

Завернув за угол, мы зашагали по улице, вымощенной камнем чуть красноватого оттенка. Наш путь лежал через главную площадь, мимо расхваливающих свои булки, ткани и специи торговцев, пары-тройки работающих прямо на улице ремесленников и позорного столба. За руку к столбу был привязан человек, возле которого красовалась табличка с крупной надписью: «За дебош». Мужчина, который сидел у столба, вжав голову в плечи, имел вид заправского пьяницы. Мальчишка лет десяти, одетый в невероятно старые обноски, скатал в руке и запустил в наказанного комок грязи.

Я с размаху отвесила парнишке затрещину.

– Когда в следующий раз украдешь кусок пирога или булку, сам можешь оказаться на его месте, – сухо сказала я. – И тогда кто-нибудь будет кидать грязью в тебя. И хорошо еще, если тебя так же привяжут, а могут и в кандалы заковать. Тогда даже уворачиваться не сумеешь.

С кандалами это я, пожалуй, слегка загнула для красного словца. В кандалы в последнее время заковывали крайне редко. Считалось, что позор – достаточное наказание за мелкие провинности и ни к чему отягощать его физическими страданиями. За более же тяжкие преступления отвечать приходилось отнюдь

не у позорного столба.

Дом Алисдейров никак не тянул ни на замок, ни на дворец – так, трехэтажный, вполне уютный на вид особняк. Остановившись перед плотно закрытой дверью, Люк бросил на меня вопросительный взгляд.

– Что будем делать? – спросил он, видя, как я с любопытством рассматриваю дом.

– Для начала надо постучать, – сообщила ему великую истину я.

– Что, так банально? – разочарованно протянул Люк, словно ожидал увидеть, как я достаю из сумки черные перчатки и пару масок с прорезями для глаз.

– А что ж ты хочешь? Интервьюируемые – они тоже люди.

Великие истины сыпались сегодня из моих уст как горох.

– А я-то думал, что они – материал, – съязвил Люк. Он постучал в дверь специально предназначенным для этой цели молоточком. – Скажи, насчет интервью у короля – это серьезно или ты просто решила подшутить над Петухом?

– Серьезно, конечно, – безапелляционно заявила я.

– Зря. Шутка была бы хорошая.

– А что, проект, стало быть, не хороший? – спросила я с вызовом.

– Был бы хороший, будь он реализуемым. Пробиться к королю гораздо трудней, чем к барону.

– Ничего, я что-нибудь придумаю.

Дверь отворилась, и на пороге показалась чопорного вида служанка в простеньком коричневом платье.

– Что угодно господам? – без особого интереса спросила она.

– Мы бы хотели видеть хозяина, господина Кентона Алисдейра.

Люк взял переговоры с прислугой на себя.

Служанка окинула немного пренебрежительным взглядом шевелюру и потрепанную куртку моего приятеля, мою собственную характерную сумку, сделала правильные выводы и холодно произнесла:

– Газетчиков пускать не велено.

Люк бросил на меня многозначительный взгляд: мол, я же предупреждал. Но тем не менее предпринял следующую попытку:

– А вы доложите ему о нашем приходе. Вдруг он передумает.

В руку служанки незаметно перекочевала крупная медная монета.

– Ну хорошо, – смилостивилась служанка. – Как о вас доложить?

– Абигайль Аткинсон и Лукас Гринн.

Служанка удалилась, оставив нас ожидать на пороге.

– Вернее всего, ничего не выйдет, но попробовать стоило, – заметил Люк.

– Взятка, как я понимаю, за счет редакции?

На моих губах играла усмешка.

– А что? Фред на этом не разорится. В нашем деле без мелкого взяточничества никак, – философски пожал плечами газетчик.

Служанка вернулась достаточно быстро и отступила немного в сторону, распахнув для нас дверь.

– Хозяин вас примет.

Судя по интонации, она и сама была удивлена такому повороту.

– Ничего себе, уже сработало! – тихо сказал Люк, одарив меня уважительным взглядом.

– Случайное совпадение, – вздохнула я, следуя за горничной на второй этаж.

Надо же, зря потеряла время. Могла бы уже вовсю копаться в энциклопедиях. Люк отлично справился бы здесь и сам.

Как вскоре выяснилось, тут я ошиблась. Войдя в кабинет, мы сразу же увидели Кентона Алисдейра, который устроился с бокалом вина в руке в кресле с высокой спинкой. Даже если бы я успела основательно подзабыть эти характерные черты лица и темные волосы, насмешливый взгляд был легко узнаваем.

– Чем обязан визиту благородных господ газетчиков? – осведомился хозяин дома, демонстрируя таким образом неплохую память. Или злопамятность.

Сесть он нам не предложил, вином тоже не поделился. Впрочем, это отвечало правилам этикета, поскольку с точки зрения социальной иерархии мы были нижестоящими, к тому же явились не только без приглашения, но даже и без предварительной договоренности.

– Мы разыскиваем по городу бомжей, желающих поносить чужие костюмы, и берем у них интервью, – заявила я, выступая вперед.

У Люка глаза потихоньку полезли на лоб. Мне же, со своей стороны, было просто интересно посмотреть на реакцию хозяина дома. Конечно, имелся риск, что он разозлится и вышвырнет нас на улицу, но это уже была бы проблема Люка, а не моя.

На губах Алисдейра заиграла усмешка.

– Если вас интересуют бомжи, могу вызвать слугу, чтобы проводил вас до ближайшей канавы. Хотя за это время ты могла бы успеть найти кандидата на ношение тех костюмов.

Ага, делать мне больше нечего, только бегать по городу в поисках. Одного первого встречного откопала – и ладно. Черт, да ему, кажется, удалось меня задеть! А мне его – нет.

Люк многозначительно кашлянул, напоминая о том, что мы пришли сюда не за разговорами о костюмах.

– Вас интересует еще что-нибудь, кроме бомжей? – проявил недюжинную проницательность Алисдейр. – Или моей служанке пора проводить вас к выходу?

– У нас есть к вам один вопрос. Вернее, просьба.

Люк решил взять разговор в собственные руки, начисто утратив веру в мою дипломатичность.

– Неужели? – изогнул брови Алисдейр. – Надеюсь, это не интервью? Я, кажется, пока еще не сделал ничего такого, чтобы заслужить подобную… мм… честь.

– Вы бы что, даже не хотели, чтобы мы опубликовали вашу биографию? – снова вмешалась я.

– Боже упаси! – в притворном ужасе воскликнул хозяин дома. – Написанную тобой?! Пощади мою репутацию. Тем более что я не грабитель, не брачный аферист и даже не шаман.

– Точно не брачный аферист? – подозрительно прищурилась я.

– Кажется, господин Алисдейр – поклонник профессиональных качеств Абигайль? – правильно оценил обстановку Люк. Ну или почти правильно.

– О да, большой поклонник, – с насмешкой отозвался Кентон. – В особенности с тех пор, как неделю назад она надумала обучить меня хорошим манерам… весьма своеобразным способом.

Я прикусила губу. Злопамятный, точно. Интересно, отстиралось ли то пятно? Какое-то время я взвешивала: задать этот вопрос или же нет, но затем все-таки сдержалась.

– Могу отметить, что Абигайль пишет не только про аферистов и грабителей, – сообщил Люк. – В самое ближайшее время она собирается работать над биографией графа Торнсайдского.

– Над биографией Рейвена? – Алисдейр взглянул меня с каким-то новым интересом. – Надеюсь, ты получила на это его согласие? Врываться к нему в замок под придуманными поводами было бы неблагоразумно.

– Можете не беспокоиться, Алан Рейвен уже дал разрешение на интервью, более того – даже сам настоял на моей кандидатуре, – сухо и не без гордости заверила его я. – Не все же так боятся внимания газетчиков, как некоторые.

– Да, кстати, я так и не услышал, чем обязан такому вниманию, – проигнорировал мои слова хозяин дома.

– Дело в том, что для работы над одним материалом мне совершенно необходимо взглянуть на текст монографии «Житие великих мужей» Ингрима Светлоликого, – решился взять быка за рога Люк. – Насколько мне удалось узнать, единственная в нашем графстве копия этого труда хранится в вашем архиве. Я был бы безмерно вам признателен, если бы вы позволили нам ознакомиться с книгой. Уверен, на это уйдет не более четверти часа.

– Только и всего? – Кентон определенно был доволен тем, что никто не собирается брать у него интервью. – Сью, – обратился он к служанке, – позови Тобиаса, пускай проводит господ газетчиков в архив. Да, и еще, – добавил он, заставляя ее остановиться у самой двери. – Переложи куда-нибудь эту медную монету. Она оттягивает твой карман.

Стушевавшись, служанка почти выбежала из комнаты.

– Откуда вы знали, что там монета, и именно медная? – с любопытством спросила я. – Ничего же не видно. Карман вовсе не оттягивался.

– Что я, таксу не знаю, что ли? – фыркнул Кентон. – Кто же пошел бы докладывать мне о газетчиках, не получив от них за это скромного вознаграждения?

Архив располагался на первом этаже. Здесь было полутемно, душно и пыльно. Полки были в буквальном смысле слова завалены фолиантами, однако Тобиас, оказавшийся здешним дворецким, без труда нашел для Люка нужную книгу. Теперь Люк сидел за небольшим старомодным столом и портил себе глаза, пытаясь прочитать неразборчиво написанный текст, а я маялась от безделья.

– Долго еще? – капризно спросила я, отлично понимая, что от моего занудства не будет никакого толку. Люк все равно пока не найдет то, что ему надо, не успокоится.

– Еще ровно столько, сколько нужно, – наставительно ответил он, не отрываясь от текста.

Ладно, так и быть, подождем. Я принялась рассматривать книги и неожиданно обнаружила кое-что интересное. Фамильная энциклопедия рода Алисдейров. Такая книга, своего рода расширенная версия фамильного древа, с портретами, словесным описанием внешности и краткими биографиями, имелась почти в каждом дворянском доме. Хм… а это может быть любопытно. Во всяком случае, как способ убить время сойдет на ура.

Облокотившись о полку, я принялась листать фолиант, причем начала с самого конца. Так, похоже, что хозяин дома – единственный ребенок в семье. Портрет, нарисованный в двадцатилетнем возрасте… Ничего так, хорош. Хотя вполне вероятно, что художник немного приукрасил достоинства юного брюнета. О, а вот и еще один портрет…

– Люк! – позвала я. – Хочешь взглянуть, как выглядел Кентон Алисдейр в пятилетнем возрасте?

– С детства только об этом и мечтал, – отозвался приятель, не намеренный отвлекаться от работы.

Я равнодушно пожала плечами. А что, симпатичный такой ребенок. Ладно, поглядим теперь и на родителей…

Через пару минут я была заинтригована, через пять – серьезно задумалась. На своих родителей Кентон Алисдейр не был похож ни в малейшей степени. Разумеется, всякое случается, более того, всему виной могли быть неточности в работе художников. Но по меньшей мере в одном сомнений быть не могло: и отец, и мать темноволосого были блондинами… У матери – золотистые волосы, у отца скорее пепельные; и то и другое весьма плохо вязалось с обликом их сына. Ладно, когда дети в чем-то разительно отличаются от обоих родителей, причину, как правило, следует искать среди бабушек и дедушек. Однако исследование соответствующих четырех портретов привело меня в еще большее недоумение: похоже, блондинами являлись все предки Алисдейра. И как такое понимать?

– Нашла что-то интересное? – сухо спросил Кентон.

Я даже не услышала, как он вошел. Зато, подняв глаза, тотчас же увидела сквозившее во взгляде Алисдейра бешенство. Он с силой дернул меня за запястье, заставив отшатнуться от полок, выхватил из второй руки книгу и отшвырнул ее на другой конец архива.

– Надумали меня обмануть? – зло продолжил он. – Фолиант Светлоликого, биография Рейвена? Он, значит, отвлекает на себя внимание, – кивок в сторону Люка, – а ты тем временем все здесь разнюхиваешь, копаешься в чужом нижнем белье? Так вот, со мной эти фокусы не пройдут. Убирайтесь из моего дома немедленно!

Я лишь молча хлопала глазами, хватаясь за ноющее запястье и решительно ничего не понимая. Откуда такая резкая смена настроения? Что его так взбесило? При чем тут нижнее белье; разве фамильная энциклопедия не содержит лишь абсолютно нейтральные, доступные всем факты?

– Послушай, – язык не ко времени вспомнил, что мы в свое время успели перейти на «ты», – я вовсе не хотела…

– Вон отсюда! – чеканя слова, заявил Кентон.

При этом его глаза метали такие молнии, что я поняла: благоразумнее будет послушаться. Люк пришел к такому же мнению. Мы вышли из архива, спиной чувствуя тяжелый взгляд хозяина, бывшего еще совсем недавно вполне радушным. И под бдительным наблюдением сбежавшихся на шум слуг покинули дом.

– Ты хотя бы успел найти все, что было нужно? – шепнула я Люку, когда мы оказались за дверью.

– Угу, – кивнул он.

Что ж, и на том спасибо. По дороге в библиотеку я пребывала в глубокой задумчивости, все пытаясь понять причины столь сильной вспышки гнева. Определенно в энциклопедии должна была скрываться важная и, должно быть, опасная для хозяина дома информация. Но поскольку книги эти действительно вполне нейтральны и содержат ненамного больше сведений, чем простое фамильное древо, информацию эту следовало искать между строк. Скорее всего, к ней имело непосредственное отношение отсутствие фамильного сходства, на которое я и вправду обратила внимание. Но что с того? Даже если наш дворянин и был незаконнорожденным ребенком, сыном не Алисдейра-старшего, а любовника супруги последнего… что дальше? За давностью лет доказать ничего нельзя, тем более сходство портретов никак не может служить основанием для пересмотра прав наследования. К тому же у Алисдейров не было других сыновей, так что я вообще сомневалась, что вопрос наследования может встать на данном этапе ребром. Но никакого другого объяснения поведению Кентона я найти не могла. Должно быть, какая-то деталь все-таки ускользнула от моего внимания…

Нам с Люком оказалось по пути, и мы шагали вместе, хоть каждый и был погружен в собственные мысли. Наверняка Люк обдумывал то, что успел вычитать в монографии. Чтобы сократить маршрут, мы привычно свернули в небольшой узкий переулок. Прохожих здесь не было; все выходящие на эту сторону окна были наглухо закрыты ставнями. Когда мы почти добрались до нужного поворота, из тени внезапно вынырнули трое громил. Нельзя сказать, чтобы все они были на одно лицо, но некоторые характерные признаки определенно имелись: высокий рост, широкая кость, крепкое телосложение,

плохо выбритые лица. Я быстро огляделась. Отступать было поздно. Убежать не успеем, а рассчитывать на то, что кто-то из хозяев близлежащих домов рискнет отворить нам дверь, – бессмысленно.

Двое громил пошли прямо на Люка, вынуждая его отступить к стене. Третий приблизился ко мне. Я попятилась; за спиной некстати оказался ствол невысокой хилой березки. Громила остановился, часто, будто беспокойно дыша. Я заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

– Можно попросить у вас автограф? – смущенно спросил он, извлекая из внутреннего кармана помятый недельник.

– Никаких вопросов. – Облегченно выдохнув, я полезла в сумку за пером. – Как вас зовут?

– Томми Костолом, – расплылся в улыбке громила.

– Ага, – кивнула я, выводя на внутренней стороне обложки: «Томми Костолому на добрую память», – и ставя привычную подпись: две буквы «А», одна, расположенная внутри другой.

– Большое спасибо, – вежливо сказал громила и, сделав знак своим сопровождающим, растворился вместе с ними в очередном темном закоулке.

Я нашла взглядом Люка. Он сидел на земле, прислонившись спиной к стене дома, согнув колени и опустив голову, и дрожал всем телом. Я испуганно подбежала к приятелю. И только когда он поднял на меня глаза, поняла, что Люк сотрясается от приступа беззвучного хохота.

Глава 4

Интервью

Проведя в библиотеке несколько часов, я собрала более или менее полную информацию о графе Торнсайдском, какую можно было раздобыть из

официальных источников. Интересных фактов там не было вовсе. Небольшие надежды можно было возлагать на историю прихода семейства Рейвенов к власти в графстве. В свое время претендентов было не так уж мало, всевозможные родственники по всевозможным линиям, и победить на этих скачках удалось отцу Алана Рейвена. Но – именно отцу. Сам нынешний граф был тогда одиннадцатилетним мальчишкой, так что навряд ли та история могла рассказать хоть что-нибудь интересное о его личности.

Можно было, конечно, продолжить сбор информации, охотясь за сплетнями, но я никогда не доверяла подобным источникам. Тем более что данной статьей я занималась лишь постольку, поскольку это была ступенька на пути к моей подлинной цели. Так что я сочла, что лучше всего будет поскорее взять быка за рога, договорилась, при посредничестве все того же Фреда, о времени встречи и на следующий же день отправилась в замок.

И вот я стояла возле каменной ограды, уже с внутренней ее стороны, и, откидывая с лица развеваемые холодным ветром волосы, оглядывала древнюю резиденцию Торнсайдов. Замок не был симметричным, то ли из-за причуды архитектора, то ли по каким-то логическим, но неизвестным мне причинам. Слева – широкая башня, увенчанная оранжевой крышей в форме конуса. Справа – две тонкие башенки, кажущиеся отсюда почти кукольными. Я бы решила, что они и вправду сугубо декоративны, если бы не движущиеся фигурки часовых, иногда мелькавшие на открытых всем ветрам площадках. Также по левую руку от меня, но существенно дальше, возвышалась еще одна башня – знаменитая Стонридская тюрьма. Так уж сложилось, что наше графство, являвшееся одной из удаленных и мало чем примечательных северных провинций Истленда, славилось в первую очередь именно своей тюрьмой. В прежние времена Стонрид предназначался исключительно для заключенных знатного происхождения, многие из которых именно там встречали свой бесславный конец. В последнее же десятилетие ситуация коренным образом изменилась, и теперь это была обычная тюрьма, в которой мог оказаться как герцог, так и сапожник. Вот такое общественное равенство; впрочем, радость от этого была весьма сомнительная.

Я тряхнула головой, сгоняя оцепенение, навлеченное несвоевременными размышлениями, и зашагала к входу в замок. Здесь меня уже ждали, не пришлось даже тратить время на объяснения и доказывать, что я вовсе не лгу и мне действительно назначена встреча. Я поразилась как той расторопности, с которой слуга проводил меня в кабинет, так и вежливости его обхождения. Отворив дверь и пропустив меня внутрь, лакей мгновенно растворился в

коридорах замка.

Я сделала несколько шагов вглубь просторного кабинета и лишь затем застыла, разглядывая хозяина резиденции. Тот с не меньшим интересом разглядывал меня. Не знаю, какие наблюдения сделал он; я же увидела тридцатипятилетнего мужчину с короткими темными волосами, скорее шатена, чем брюнета, с волевым подбородком, рельефными скулами и чуть тонковатыми губами – такие достаточно лишь слегка поджать, чтобы протранслировать подчиненным недовольство проделанной ими работой. Но в то же время стоило этим губам слегка изогнуться кверху, и лицо их обладателя озарялось чрезвычайно обаятельной улыбкой, в чем я вскоре получила возможность убедиться. Зеленые глаза смотрели внимательно, я бы даже сказала, пронзительно. Высокий рост, широкие плечи, узкие бедра… Картину дополняла загорелая кожа. Одним словом, хотя назвать черты лица графа идеально правильными было нельзя, он тем не менее был красив… весьма красив.

Я улыбнулась и первой сделала приветственный кивок. Алан Рейвен улыбнулся мне в ответ – той самой обаятельной улыбкой, которую я уже упоминала.

– Абигайль Аткинсон? – спросил он.

Хотя по сути это был не вопрос: в ответе граф был вполне уверен, скорее, просто пробовал слова на вкус.

– Именно так, ваше сиятельство.

Я присела в легком реверансе. Получилось довольно плохо. Черт, надо бы потренироваться, если я и вправду собираюсь добиваться интервью у короля.

– Да бросьте, – махнул рукой Рейвен. – Давайте обойдемся без лишнего официоза. А то за целый день от него голова начинает гудеть.

Столь свободное обхождение меня слегка удивило, но я и сама никогда не уважала излишний официоз, поэтому подобное предложение приняла с удовольствием.

– Можете называть меня просто Алан. А я позволю себе звать вас Абигайль, договорились? А то странно как-то разводить церемонии с человеком, которому собираешься поведать всю свою подноготную. Вы не находите?

Я сдержанно улыбнулась.

– Предпочитаете более формальный вариант общения? – осведомился граф, от внимания которого не укрылась некоторая напряженность в моем взгляде.

– Нет, просто я сильно сомневаюсь в том, что вы и правда намерены рассказать мне всю подноготную, – призналась я.

Рейвен рассмеялся.

– Черт, вы меня раскусили еще раньше, чем я начал плести интриги. Ну ладно, в таком случае давайте сразу договоримся. Я не стану вам лгать, но говорить буду только то, что сочту нужным. И если вы заподозрите, что я о чем-то умалчиваю… а вы, я вижу, девушка проницательная, так что наверняка заподозрите… Так вот, в этом случае прямо спросите у меня. Если я не захочу давать вам исчерпывающий ответ, просто забудьте об этом вопросе. И не пытайтесь получить информацию через другие источники. Этого я не советую вам очень настоятельно. Я надеюсь, что высказался достаточно ясно?

– Предельно, – ответила я.

– И вы принимаете такие правила игры? – настойчиво спросил он.

– Они полностью меня устраивают.

«Потому что ваша история не слишком-то для меня интересна», – добавила я про себя. А вслух сказала:

– Я ведь в любом случае здесь не для того, чтобы собирать сплетни или раздувать сенсацию. Это самая обыкновенная биографическая статья, и я уже подписала условие о том, что вы сможете прочитать и утвердить (или не утвердить) ее прежде, чем она попадет в недельник. Да и потом, я, знаете ли, еще молода и красива, и мне совсем не хочется провести остаток своей жизни в

Стонриде. Который, кстати, так хорошо виден из ваших окон.

– Вы всерьез полагаете, что я мог бы отправить девушку вроде вас в Стонрид за излишне смелую статью?

Похоже, такая идея его позабавила.

– Я недостаточно хорошо вас знаю, чтобы делать выводы. Так что предпочитаю проявлять осторожность.

– Весьма похвально, – согласился он. – А знаете, мне кажется, что мы поладим. Итак, что именно вы хотели у меня спросить? Или я сам должен рассказывать? Как это у вас обычно происходит?

– Вы никогда до сих пор не давали интервью? – удивилась я.

– Ни единого раза, – подтвердил Рейвен. – Обычно я стараюсь держаться от ваших коллег подальше. Вас это удивляет?

– Не слишком. Скорее, мне непонятно, что заставило вас отступить от этого правила сейчас.

– Вы, разумеется. Точнее, ваша статья о новом налоге, – пояснил он, видя, как я удивленно изогнула бровь. – Налог был необходимой мерой, но чрезвычайно непопулярной. А это весьма досадное сочетание для человека, который только принял бразды правления. Вам же удалось существенно изменить общественное мнение в пользу налога и, стало быть, в мою пользу. Так что можно сказать, что в некотором роде вы меня спасли.

– Не стоит преувеличивать. К тому же, уж если вам нравится такая формулировка, спасла вас не я, а Фредерик Миллер, наш главный куратор. Именно он поручил мне написать ту статью. Ну что ж, если вы не возражаете, перейдем к делу?

– Давайте попытаемся.

В его глазах играли смешинки. Сосредоточиться в таком контексте оказалось непросто, но я приложила усилие.

– Вам было одиннадцать лет, когда ваш отец унаследовал графство?

– Десять с половиной.

– Вы что-нибудь помните о развернувшейся тогда борьбе?

– Немного. Я был ребенком, и в подробности меня по большей части не посвящали. Почти все, что я знаю об этом смутном времени, я знаю из вторых рук. Так что вы можете с тем же успехом проконсультироваться по этому вопросу еще с кем-нибудь из современников, лучше постарше. Мне известно, что на графский трон было по меньшей мере четыре претендента. И в ходе борьбы пролилось много крови. Причем не щадили ни стариков, ни детей, ведь ставки на кону были нешуточные. Меня и самого тогда переправили на время за границу, от греха подальше. В этом одна из причин того, что я был не слишком осведомлен о происходящем.

– Кроме вашего отца кто-нибудь выжил в той борьбе?

Торнсайд пристально посмотрел мне в глаза.

– Без комментариев.

– У вас было счастливое детство?

Я резко перевела тему на более безопасную, позволяющую интервьюируемому раскрыться и утратить бдительность. Однако на сей раз я просчиталась. Во взгляде графа читалась грусть, почти горечь.

– Смотря какой смысл вы вкладываете в слово «счастье». Если вас интересует, были ли у меня всевозможные игрушки, самая лучшая одежда, высокопрофессиональные гувернеры, а также лошади, клинки, соколы, книги, а позднее и женщины, то мой ответ – да. В моем распоряжении было все, что только может пожелать единственный сын богатого и знатного человека. – Он немного помолчал, возможно раздумывая, продолжать ли говорить дальше или

же закрыть тему привычным: «Без комментариев». – Однако моя мать умерла, когда я был еще совсем ребенком. Отец же завел себе любовницу, точнее шлюху, которая быстро прибрала власть в доме к рукам. Ее стараниями я даже был на один год отослан из графства в закрытую школу при Тилльском монастыре; впрочем, я позаботился о том, чтобы не остаться там надолго.

– По-моему, Тилльская школа для мальчиков считается весьма престижным учебным заведением, – осторожно заметила я.

– Да, вполне, – рассеянно ответил он. Видимо, лимит откровенности был исчерпан. – Можете написать про школу в своей статье. Все остальное – не для недельника. Надеюсь, я выразился понятно.

– Я вообще девушка понятливая, – кивнула я. А жаль, кстати сказать: интервьюируемый определенно оказался более интересным человеком, чем я ожидала изначально. И, черт возьми, он был красив, тут ничего не скажешь! Может, отойти от заранее продуманных вопросов и поинтересоваться, отчего он до сих пор не женат? Дескать, читательницы сгорают от любопытства… – Последние годы вы жили за пределами Торнсайда, верно?

– Именно так, – кивнул Рейвен. – По целому ряду причин. Последние десять лет я жил в одном из своих поместий в Кемптоне, сюда же наведывался лишь время от времени, чтобы быть в курсе дел.

– Титул графа вы унаследовали семь месяцев назад. Каковы были ваши первые шаги?

– Введение нового налога, – ухмыльнулся Рейвен. – Но это писать необязательно. Я запланировал целую серию реформ: очень многие порядки в графстве представляются мне неправильными и изжившими себя. Однако реформы следует проводить постепенно, тщательно подготовив для них почву, создав соответствующие исполнительные структуры. Так что можно считать, что я еще не начал.

– О реформах какого рода идет речь? – не без интереса спросила я. – Вы могли бы привести пример?

– Не люблю делить шкуру неубитого медведя. К тому же мне казалось, что в биографии следует писать только о тех событиях, которые уже имели место.

Снова та же обаятельная улыбка. Я покивала. Хорошо ушел от ответа, профессионально.

– А как бы вы охарактеризовали… Что там за шум? – нахмурилась я, когда приглушенный закрытой дверью грохот раздался во второй раз.

– Слуги должны были установить в некоторых комнатах новую мебель. Кстати сказать, можете считать это одной из реформ, – подмигнул он. – Только сейчас дошли руки этим заняться. Кое-какой рухляди давно уже было место на свалке, в особенности той, которую притащили сюда с подачи моей «мачехи»…

Грохот повторился, на сей раз сопровождаемый звуками, подозрительно напоминающими звон металла, бьющегося о металл.

– Что за черт? – Рейвен одним рывком поднялся с кресла. – Простите, я должен ненадолго отлучиться. Чувствуйте себя как дома.

«Но не забывайте, что находитесь в резиденции самого могущественного человека в графстве», – мысленно закончила я. А заодно подумала, что навряд ли смогла бы хоть когда-нибудь почувствовать себя как дома в таком огромном, холодном каменном мешке. Все-таки современные дворцы намного уютнее, чем замки. Не зря в последние сто лет власть имущие предпочитали строить для себя именно дворцы. Однако такое строительство занимало массу времени и требовало весьма серьезных вложений. Замки же имелись в распоряжении практически любого графа, а возводились на века. Рассчитанные на случай весьма суровых военных действий, они подолгу выдерживали даже ту осаду, которую устраивал самый выносливый и терпеливый противник – время. Поэтому было понятно, что они будут все так же стоять на своем месте, и похоже, не одно столетие.

Граф вернулся в кабинет чрезвычайно быстро, притом не один. Вместе с ним сюда вошли, а точнее ворвались, с полдюжины вооруженных людей. Один из них заломил Рейвену руки за спину; другой угрожал графу обнаженным мечом, пресекая любые попытки к сопротивлению. Звуки борьбы, проникшие в комнату через открытую дверь, стали еще громче и интенсивнее, чем прежде.

Я вскочила с кресла и отступила к окну.

– Заприте дверь! – крикнул один из вооруженных людей, который, похоже, был у них за главного. На вид я дала бы ему лет пятьдесят, однако седые волосы и пролегшие на лбу и вокруг глаз морщины не должны были вводить в заблуждение: несмотря на возраст, этот человек по-прежнему был в прекрасной физической форме. – А ты не дергайся, Рейвен! Мне и так хочется перерезать тебе глотку прямо сейчас, так что лучше не вынуждай! Посади его, Ральф, и держите его на прицеле.

Молодой мужчина, до сих пор удерживавший руки графа за спиной, отшвырнул его в кресло. Рейвен ударился животом о широкую деревянную ручку и сполз на колени.

– Давай поднимайся! – велел все тот же главарь.

Третий воин направил в сторону кресла заблаговременно заряженный арбалет.

Шипя от боли, Рейвен развернулся к напавшим на него людям лицом и сел, как было велено.

– Барон, вы совершаете страшную глупость! – воскликнул он. – Давайте спокойно во всем разберемся, прежде чем вы погубите себя и своих сыновей окончательно.

Губы барона скривились в подобии усмешки.

– Я уже во всем разобрался без твоей помощи, мерзавец, – заверил Рейвена он. – На это ушло слишком много времени, но я все выяснил. И можешь не сомневаться, моя дочь, сестра моих сыновей, не останется неотомщенной. А уж что с нами произойдет после этого – на то воля божья. Но ты сегодня расплатишься кровью, так что лучше молись, пока я не приступил к задуманному.

Я слушала все это, не шевелясь и вообще стараясь не подавать никаких признаков жизни. Это ж надо было умудриться попасть в замок как раз в момент здешних кровавых разборок! Ну, Фред, ну, удружил! И ты считал, что короля

интервьюировать опаснее? Да в королевский дворец и мышь бы не проскользнула без ведома охраны, а тут, похоже, набежало целое войско!

– Как тебе удалось провести в замок своих людей? – спросил Рейвен, словно прочитавший мои мысли.

– О, все было продумано до мелочей, – осклабился барон. – Хитрость, подкуп, грубая сила – план идеально отработан. Говорю же, у меня ушло немало времени на подготовку.

– Вам все равно не удастся долго удерживать замок, – покачал головой граф. – Положим, меня вы убьете хоть прямо сейчас, но в таком случае и сами не выйдете из этой передряги живыми. Не мне вам объяснять, что грозит по закону за подобные преступления. Барон, право слово, вы же умный и благородный человек! Давайте не будем торопиться и совершать ошибки, которые впоследствии невозможно будет исправить.

– До чего же ты разумен и предусмотрителен! – притворно восхитился барон. – О чем же ты тогда думал, когда погубил мою дочь?

– И снова вы совершаете ошибку, – поморщился Рейвен. – Я уже говорил вам, ван Дрейк, что не причинял зла вашей дочери. Не знаю, что случилось тогда с Клариндой, но я не имею отношения к ее исчезновению! Поверьте мне, наконец, я скорблю о ней не меньше вашего!

– Не верю! – крикнул барон. – И не смей трепать ее имя своим поганым языком. Она отправилась на встречу с тобой, и с тех пор ее никто не видел.

– Я же уже говорил, – устало произнес граф, – что мы действительно гуляли с ней по парку, и тому есть масса свидетелей. Но потом она ушла, а я остался, и я представления не имею о том, что могло произойти дальше!

– Да, ты уже рассказывал эту историю, – недобро усмехнулся барон, – и я тебе почти поверил. Но потом до меня стали доходить нехорошие слухи, и по мере того как я пытался разобраться в случившемся, уверенность в твоей виновности все крепла. Это твои люди похитили ее. Ты надругался над ней, замучил, а потом убил у себя в застенках!

– Да как вы смеете такое говорить?! – От возмущения Рейвен даже вскочил на ноги, но был вынужден сесть обратно под тяжелым взглядом держащего его на прицеле баронета. – Кто вбил в вашу голову такую чушь? Вы что, начитались романов?

Следя за развитием этого разговора, я так увлеклась, что даже почти забыла про угрожавшую мне опасность. Я, кажется, припоминала эту историю. Дочь барона ван Дрейка действительно пропала без вести около четырех месяцев назад. Мне ничего не приходилось слышать о связи графа Торнсайдского с этим исчезновением. Верила ли я Рейвену? Скорее да, чем нет. Он выглядел вполне искренним, но, даже если списать это на отличные актерские данные, достойные подмостков самых лучших театров, рассказанная бароном история представлялась крайне неправдоподобной. Все это действительно чересчур походило на готический роман.

С другой стороны, был ли искренен барон? Похоже, что да. Кто же в таком случае прав? Я была человеком, не искушенным в интригах аристократов, но жизненный опыт подсказывал, что при подобном конфликте между двумя сторонами следует искать третью, намеренно исказившую все факты…

– Да поймите же наконец, – продолжал между тем граф, – Кларинда много для меня значила. Если на то пошло, я хотел на ней жениться!

– Не смей. Произносить. Ее имя!

Мне казалось, еще мгновение – и барон полоснет Рейвена клинком по лицу. Но он сдержался.

– Отец!

Барон повернул к одному из своих сыновей, тому, что был вооружен арбалетом, перекошенное от ярости лицо.

– Хватит с ним церемониться, позволь я пристрелю его прямо сейчас!

– Нет! – рявкнул ван Дрейк, и сразу стало ясно: без его указания никто здесь не посмеет сделать и шагу. – Он будет умирать долго. Он еще признается мне во

всем и проклянет тот час, когда надумал обидеть мою дочь.

Барон отвел глаза и опустил меч. В этот момент он отчего-то стал выглядеть намного более старым и каким-то… подавленным? «Давно ли это мужественное лицо испещрили морщины? – подумалось мне. – И седина… Не появилась ли она тогда же, всего лишь несколько месяцев тому назад?» Глядя на барона, я не сразу поняла, что он не менее пристально смотрит на меня.

– А это кто такая, твоя новая подстилка? – презрительно спросил он у графа.

– Она тут вообще совершенно ни при чем, – расстроенно сказал тот.

– Действительно ни при чем, – подтвердила я. – Я пришла сюда сугубо по работе.

– По работе? – саркастически усмехнулся барон. – Это по какой же? Что, Рейвен, женщины из дома свиданий обслуживают тебя на дому? Ты настолько обленился, что даже не желаешь прокатиться на лошади до их заведения?

– Я что, похожа на продажную женщину?!

Моему возмущению не было предела.

– Барон, она в самом деле пришла сюда по служебным делам, – вздохнул Рейвен. – Это газетчица, она собиралась взять у меня интервью. Отпустите ее. Она действительно не имеет ко всему этому никакого отношения. Девчонка просто оказалась не в том месте не в то время.

Ван Дрейк даже не обернулся в его сторону, все это время продолжая сверлить меня взглядом.

– Даже если бы я поверил этому ублюдку – а я не верю ему ни на грош, – заявил он, – я все равно не смог бы тебя отпустить. Ты действительно оказалась в неправильном месте в неправильное время, так что придется и тебе умереть вместе с ним.

– Как и множеству людей, должно быть уже погибших в этом замке? – с вызовом спросила я. – И все это в качестве отмщения за жизнь вашей дочери?

– Да. – Кажется, барон даже не рассердился. – Именно так. И если для этой цели понадобится убить сто человек или даже тысячу, я сделаю это, не задумываясь. – Он обернулся к своим сопровождающим. – Отведите их вниз и заприте в одной из камер. Я скоро туда приду и начну… Мне понадобится несколько часов.

Я судорожно сглотнула. Нас с графом выволокли из кабинета и потащили вниз по лестнице. На ступеньках, вытянув руку в сторону перил, лежал совсем молодой мальчик, должно быть, лет шестнадцати. Судя по одежде, он был одним из солдат гарнизона. Вот только кто в наш век, когда штурмы и осады давно остались позади, мог знать, что служба в замке окажется такой опасной… и такой короткой?

На подвальном этаже было гораздо темнее. В коридор свет из расположенных над лестницей окон не проникал вовсе; на стенах плясали тени, повторяя танец венчавшего старые факелы огня. Нас затолкнули в пустую просторную камеру и заперли ее одним из длинных ключей, висевших на массивной связке. Похоже, разделаться с тюремщиком нападавшие тоже успели.

– Идем отсюда! – махнул своим соратникам баронет. – Посмотрим, как все прошло наверху.

– Ральф! – Рейвен прильнул к прутьям решетки. Баронет обернулся. – Твой отец убит горем, но ты же должен понимать, что девушка ни в чем не виновата. Выпусти ее. Барон о ней даже не вспомнит, ему нужен только я.

– И не подумаю, – отрезал Ральф. – Если она что-то для тебя значит, тем лучше.

– Боюсь, я оказал вам дурную услугу, – заметил граф после того, как до нас перестал доноситься шум удаляющихся по лестнице шагов.

– Дурную услугу мне оказал наш главный куратор, и если я выберусь отсюда живой, то придушу его собственными руками, – от души пообещала я. – Эта девушка… барон говорит правду?

Рейвен уставился на меня как на умалишенную.

– Да, конечно, – едко сказал он. – А еще у меня на ногах копыта, а в полнолуние вырастают крылья, и я целую ночь с воплями кружу над башней. Я был лучшего мнения о твоей сообразительности, девочка. Такие страшилки рассказывают вечерком у костра подростки, чтобы товарищам похуже спалось. Черт, и надо же им было посадить меня именно в эту камеру! – вскричал он в сердцах.

– А что, в какой-нибудь другой вам понравилось бы больше? – осведомилась я. – Там что, предусмотрена ванна или компактный винный погреб?

– Там предусмотрен подземный ход, – огрызнулся он.

– Где? – тут же заинтересовалась я.

– Вон в той камере, как раз напротив нашей.

Рейвен в ярости пнул ногой решетку.

– Так в чем же дело? – радостно воскликнула я.

– В том, что мы здесь заперты, если ты не успела заметить, – разозлился пуще прежнего граф. – А приливы нечеловеческой силы бывают у меня только в полнолуние, в комплекте с крыльями.

– Тоже мне проблема! – фыркнула я, извлекая из волос шпильку. – Подержите.

Я перебросила ему сумку, разогнула шпильку и принялась ковыряться ею в замке, как учил меня один высококвалифицированный взломщик. Много времени на это не ушло. Вскоре замок поддался, и я тихонько приоткрыла дверь камеры.

– А я недооценил тебя, девочка, – изумленно проговорил Рейвен. – Вперед!

Дверь во вторую камеру отчего-то тоже оказалась заперта, хоть помещение и пустовало. Тут пришлось немного повозиться, но вскоре и этот замок постигла та же участь, что и первый. Прихватив с собой факел, мы вошли внутрь и аккуратно прикрыли за собой решетчатую дверь. Рейвен прошел к противоположной стене уверенной походкой хозяина, точно знающего, что и где находится в его доме. Граф надавил на один из камней, и часть стены бесшумно

отъехала в сторону. Впереди зияла чернота. Держа факел в высоко поднятой руке, Рейвен первым шагнул в образовавшийся перед нами проем, призывая меня следовать за ним. Терять было нечего, да я никогда и не боялась темноты.

– Как закрывается дверь? – спросила я, делая первый осторожный шаг.

Коридор оказался узким, но его ширины было достаточно, чтобы без труда двигаться друг за другом.

– Нет необходимости ее закрывать, – откликнулся граф. – Через полминуты стена задвинется сама.

Некоторое время мы двигались молча. Несколько раз я замечала ответвления от нашего коридора; кроме того, свет факела то и дело выхватывал из темноты массивные двери, неизменно располагавшиеся по правую руку от нас. Мы же продолжали двигаться исключительно прямо.

Прошло несколько минут. Мы по-прежнему никуда не сворачивали, а коридор по-прежнему не кончался.

– Долго еще идти? – спросила я.

– Примерно столько же, – не оборачиваясь, ответил граф.

– Так долго? – удивилась я. – Куда же ведет этот коридор?

– А ты еще не догадалась? – хмыкнул он. – В Стонрид, разумеется.

Я хлопнула себя ладонью по лбу. Ну конечно! О такой возможности следовало бы подумать в первую очередь. Тюрьма ведь располагалась совсем недалеко от замка, да и построена была приблизительно в то же время. Наверняка ход, соединяющий два этих здания, был запланирован с самого начала… Любопытно, а для чего предназначались оставленные нами позади комнаты? Что-то подсказывало мне, что лучше пока об этом не спрашивать. Поэтому я задала другой, более насущный вопрос:

– Что будет, когда мы туда доберемся?

– Поднимем всех на уши, – не задумываясь, ответил Рейвен. – У них весьма солидный гарнизон. Еще я отправлю гонцов на все посты городской стражи. Через каких-нибудь три часа в моем замке не останется ни одного постороннего.

Именно так все и произошло. Десять – пятнадцать минут спустя мы вышли из коридора через очередную секретную дверь. Граф не медля направился к начальнику тюрьмы, а дальше приведенный в движение механизм продолжил крутиться без нашего участия.

Мне любезно предложили доехать до дома на тюремной карете. Сперва я хотела отказаться, но потом подумала: «А когда еще представится возможность на такой прокатиться?» И согласилась.

Рейвен вышел проводить меня в тюремный двор.

– Я перед тобой в долгу, – сказал он, распахивая дверцу кареты.

– Мы так и не закончили интервью, – строго заметила я, невольно заглядываясь на его харизматичную улыбку.

Он улыбнулся еще шире; в глазах заиграли веселые огоньки.

– Мы непременно исправим это упущение, – пообещал граф.

Вытянув руку, он нежно провел пальцами по моему лицу, двигаясь от виска к подбородку. Я почувствовала, как по телу заскользила волна жара. Улыбаясь одними глазами, Алан наклонился и поцеловал меня в губы. Поцелуй был коротким, но очень страстным. Тем не менее я на него не ответила. Не так быстро, господин граф. Да и вообще, мне еще предстоит решить, стоит ли такая игра свеч.

Глава 5

Наблюдения и выводы

Кататься по городу в тюремной карете с зарешеченными окнами оказалось весьма любопытно. Как только меня подвезли к дому и кучер любезно открыл дверцу и протянул мне руку, выяснилось, что любопытство проявила не только я. Лукреция Филпатрик, старая дева, сплетница со стажем и по совместительству моя соседка, едва не вывалилась из окна своей спальни, из которого открывался вид на парадный вход моего дома. На лице соседки отразилась целая гамма обуревавших ее эмоций. С одной стороны, она чрезвычайно порадовалась, что эту нахальную и распущенную бездельницу (коими являлись, с ее точки зрения, все газетчицы) наконец-то упекли за решетку, где ей и место. С другой стороны, она недоумевала, почему тюремная карета привезла меня сюда вместо того, чтобы, напротив, увезти отсюда. Быть может, нарушительница порядка уже отсидела свой (наверняка не первый) срок? Однако Лукреции никогда не приходилось слышать о такой услуге, как доставка арестантов по домам после отсидки. Словом, злорадство было слегка подпорчено разочарованием и приправлено любопытством.

Прежде чем войти в дом, я приветственно помахала соседке рукой. Возмущенное лицо тут же исчезло, отлепившись от окна. Одна из причин, по которым меня ненавидела Лукреция, – это патологическая бестактность, не позволявшая мне раз за разом притворяться, будто я не замечаю ее слежки. Не особо заморачиваясь на предмет и без того безвозвратно испорченных отношений с соседкой, я добралась до своей кровати, рухнула на нее и проспала весь остаток дня и всю ночь.

Отправляться в замок, чтобы закончить интервью, я не стала. Сочла, что это было бы неблагоразумно. Информации для простенькой биографии я и без того получила вполне достаточно. Статья была написана, переправлена графу и быстро одобрена. Поэтому она своевременно попала к переписчикам и была размещена в ближайшем номере.

Разумеется, о событиях, свидетельницей которых мне довелось стать, в статье не было сказано ни слова. В общении с друзьями и коллегами я также предпочитала касаться этой темы по минимуму, лишь там, где это было необходимо. Фред, конечно, был в курсе того, что я отправилась в замок незадолго до взбудораживших весь город событий, поэтому совсем уж

отпираться не имело смысла. К тому же я была не прочь утереть нос коллегам, посмеивавшимся над теми навыками, которые я приобрела в ходе своих многочисленных интервью. Так что я не без удовольствия поведала им о том, сколь полезным для честного обывателя бывает умение открывать замки при помощи шпильки. Зато про связь между последними событиями и исчезновением дочери барона я не упоминала. Предпочитала говорить, что ничего не знаю о причинах столь дерзкого нападения.

Кстати о нападении. Высланное из Стонрида подкрепление быстро навело в замке порядок. Все участники захвата замка, которые не погибли на месте, были незамедлительно казнены. Одних повесили, другим отрубили голову. Это касалось абсолютно всех, включая легко и тяжело раненных, даже барона и баронетов. Последние трое были обезглавлены непосредственно в Стонриде, в то время как остальных казнили публично, на главной городской площади. Некоторые считали такое решение вопроса излишне жестоким, другие, напротив, полностью поддерживали графа: дескать, в подобных вещах только попробуй дать слабину – и быстро сам окажешься на виселице. Я предпочитала не торопиться с выводами. Одно можно было сказать с уверенностью: приведенный в исполнение приговор целиком и полностью соответствовал существующим законам.

Мы с коллегами сидели в редакции и разбирали письма, попутно попивая чай и обсуждая последние торнсайдские новости и сплетни, отчасти из профессионального интереса, отчасти просто ради того, чтобы разрядить обстановку. Работа с письмами – занятие достаточно нудное. Люк как раз закончил пересказывать в красках историю о попросивших у меня автограф бандитах, когда в дверь флигеля постучали. Мири пошла открывать, а по возвращении с восторгом поставила на стол огромную корзину тюльпанов.

– Кому? – деловито осведомился Фред.

– Абигайль, – ответила Мири.

Я с интересом приблизилась к корзине, расталкивая локтями уже столпившихся вокруг подарка коллег.

– Пустите, это не для вас! – возмутилась я.

– А может, и для нас, – возразил Люк, отталкивая меня в ответ. – Мне такие обычно поклонницы присылают. Может, тут какая-то ошибка.

– Никаких ошибок! – рявкнула я, отвешивая ему подзатыльник. – Отдай! Мири, от кого это?

Мири выдержала паузу, дабы убедиться в том, что все взгляды устремлены на нее, и торжественно сообщила:

– От графа Торнсайдского.

– Ого! – присвистнул Люк. – Ну, Аби, ты даешь! После того громилы я был готов ожидать от тебя популярности в любых кругах, но чтоб такое!

– Он что, положил на тебя глаз? – принялась допытываться Эмили.

– Может, в таком случае удастся раскрутить его на еще одно интервью? – мечтательно проговорил Фред.

– Да прекратите вы все! – вспыхнула я. – Неужели непонятно, что это простая человеческая благодарность? Я, между прочим, ему жизнь спасла. Так что напрасно вы так взбудоражились.

Дожили. Не хватало мне еще на пике карьеры самой угодить в светскую хронику собственного недельника!

– Я интересуюсь, и в каком же количестве цветов нынче проявляется простая человеческая благодарность? – ехидно осведомился Люк. – Сколько их там, двадцать пять? Тридцать? Сорок?

– А давайте посчитаем! – воодушевилась Мири.

Я с кислым лицом наблюдала за тем, как вконец обнаглевшие коллеги тычут пальцами в не раскрывшиеся еще тюльпаны.

– Прекратите считать мои цветы! – вяло возмутилась я, понимая, что толку от такого призыва не будет.

– Ты меня сбила! – попенял мне Люк. – Их было то ли двадцать восемь, то ли двадцать семь и оставалось еще с десяток. Теперь придется все начинать сначала.

По окончании повторного подсчета приятель пришел в полнейший восторг.

– Абигайль, клянусь шляпой моего дедушки, их здесь ровно тридцать восемь! Кажется, граф решил, что посылает тюльпаны тебе на могилку!

– Тогда давайте я один цветок заберу, и останется тридцать семь! – щедро предложила Эмили.

– Неправда, их тридцать девять! – не согласилась с Люком Мири.

– Где тридцать девять? Нет там тридцати девяти! – не сдавался приятель.

– Давай вместе пересчитаем.

Я схватилась за голову. Ну, граф, ну, удружил! Лучше бы прислал деньгами, честное слово! Такая корзинка небось стоит целое состояние.

– А вот этот, вот этот ты посчитал? – с энтузиазмом спрашивала Мири, указывая Люку на маленький зеленый бутончик, расположенный на одном стебле с большим тюльпаном, сочно-красным и почти раскрывшимся.

– Этот не считается, – безапелляционно возразил Люк. – Он не раскроется, цветы завянут раньше.

– Это совершенно не важно! – настаивала на своем Мири.

Я не вмешивалась. В конечном счете они сошлись на том, чтобы считать зеленый бутон половинкой. Таким образом, цветов оказалось тридцать восемь с половиной. Является ли данное число четным или нет, никто не знал, и Люк попросил меня непременно поинтересоваться на этот счет у графа при

следующей встрече. Я заверила его, что именно так и поступлю, будучи абсолютно уверенной в том, что с Рейвеном больше не увижусь.

Но я ошиблась.

Пока же тема с подарком, спасибо Фреду, была закрыта.

– Не пора ли вспомнить и о работе? – ехидно спросил он. – А то мне уже начинает казаться, что я плачу вам жалованье за то, чтобы вы нюхали цветочки.

Коллеги с видимой неохотой возвратились на свои места.

– Кстати о графе, – продолжил главкур. – Не знаю, слышали вы или нет, но он вызвал из Кемптона Норберта Майлза, дворянина и своего давнего приятеля, которому, по слухам (пока неподтвержденным), собирается пожаловать баронство, оставшееся без хозяина после казни ван Дрейков.

– Хм, быстро он нашел, куда пристроить баронство, – заметил Люк.

– А ты как думал? – флегматично пожал плечами куратор. – Свято место, как говорится, пусто не бывает. Да и потом, этот Майлз приезжает не просто так, а с отрядом человек в сорок. Такое подкрепление в городе никогда не бывает лишним, а уж в свете последних событий – тем более.

– Ага, особенно если правитель планирует начать основательно закручивать гайки, – задумчиво заметил Люк.

Я с удивлением уставилась на приятеля, ожидая, что он продолжит развивать свою мысль. Но больше Люк ничего не сказал.

А на следующий день состоялась незапланированная встреча с графом. Я как раз выходила из посудной лавки. Приглядела там одну вазу, но мы с торговцем не сошлись в цене, и я решила покамест повременить с покупкой. Есть у меня одно простое правило на случай, если вещь слишком дорого стоит, но тем не менее все же мне по карману. Надо уйти от лавочника ни с чем и переждать одну ночь. Если наутро я все еще чувствую, что хочу эту вещь приобрести,

значит, иду и покупаю. Если же за это время я полностью утратила к ней интерес, стало быть, тем лучше для кошелька.

Так вот, когда я выходила на улицу, мимо лавки проезжала, поскрипывая колесами, карета. Я едва успела разглядеть герб Торнсайдов, как экипаж остановился. Слуга, до того сидевший рядом с кучером на козлах, спрыгнул на землю, подошел к дверце кареты, затем поклонился и шагнул в моем направлении.

– Госпожа Абигайль Аткинсон? – предельно вежливо спросил он.

«Так уж прямо и госпожа», – подумала я, но вслух ответила, что да, она самая.

– Соблаговолите пройти к карете.

Эти слова были сопровождены приглашающим жестом.

«Любопытно, а что, если не соблаговолю? – лениво подумала я, направляясь к экипажу. – Оставите в покое или хоть силой, но дотащите?»

– Абигайль! – из окна показалось улыбающееся лицо Рейвена. – Как я рад вас видеть. Присаживайтесь, я подвезу вас туда, куда вам нужно.

– Благодарю вас, это не совсем удобно, – попыталась открутиться я. – К тому же я живу неподалеку, мне только в радость прогуляться, а вы наверняка спешите по делам.

– Никуда я не спешу, – возразил граф, и я поняла, что спорить дальше было бы неблагоразумно. – И потом, этот крюк не займет много времени, раз вы сами говорите, что здесь недалеко.

– Сдаюсь, – кивнула я, ставя ногу на ступеньку и одновременно прикидывая, как лучше себя вести, если Рейвен начнет ко мне приставать.

Вопрос заключался не в том, следует ли отдаваться графу в карете или нет. А в том, по какому именно месту ему в случае чего врезать и делать ли это сразу или для пущей уважительности выждать пару секунд?

– Давно бы так, – улыбнулся Рейвен, ничего не подозревающий о моих коварных планах.

Оказавшись в карете, я села не рядом с графом, а напротив. Возражать он не стал и вообще признаков недовольства не проявил. Я успела заметить, что подозвавший меня слуга на козлы не вернулся, а направился по улице куда-то в противоположную сторону. Карета тронулась, снова послышалось ворчливое поскрипывание усталых колес.

– Надеюсь, вы оправились после тех неприятных событий? – осведомился граф.

– Да, спасибо. Это было не так уж сложно.

Я по-прежнему чувствовала себя скованно. Надо же, а ведь уже второй раз за короткий срок катаюсь в карете!

– Вы получили мои цветы? – продолжил допрос Рейвен.

– Да, благодарю вас. Они произвели настоящий фурор в редакции, – без особого восторга заметила я.

– Полагаю, в следующий раз мне следует прислать цветы вам домой, чтобы это не наделало лишнего шума?

– Это вовсе не обязательно, – рассмеялась я в надежде, что он поймет: имеются в виду цветы вообще, а не только адрес для доставки.

– Это самое малое, что я мог сделать, – отмахнулся он. – Я обещал вам продолжение интервью, но оказался слишком занят делами.

– Не беда, мне было достаточно и тех материалов, которые я успела собрать.

– Я знаю. Читал. Вы отлично справились с задачей, впрочем, я в этом и не сомневался. И тем не менее я вам должен, а я терпеть не могу быть в долгу. Поэтому у меня родилась одна мысль. Вы, должно быть, знаете, что в замке скоро состоится бал в честь моего старого друга, Норберта Майлза, который

завтра пребывает в Торнсайд?

– Я кое-что об этом слышала, – кивнула я.

– Так вот, я хотел бы пригласить вас на этот бал. Пусть это будет компенсацией за незавершенное интервью.

Я вздохнула.

– Видите ли, граф, я, конечно, весьма польщена, но… это было бы несколько неудобно. Согласитесь, мое социальное положение не позволяет присутствовать на подобных мероприятиях в качестве гостьи.

– Я предвидел такой ответ, – судя по удовлетворенному выражению лица Рейвена, он все успел предусмотреть. – Вы не обязаны приходить туда в качестве гостьи. Почему бы вам не посетить замок на правах газетчицы? Ваши коллеги нередко и, как правило, безуспешно пытаются получить пропуск на светские балы. Могу же я предоставить вам такую возможность как компенсацию за доставленные неудобства?

Я задумалась. Ничего не скажешь, соблазн был велик. При должных профессиональных качествах на таком балу можно собрать массу ценного материала. К тому же Алан прав: нашего брата газетчика крайне редко можно было увидеть на подобных мероприятиях. Упускать такой случай было бы глупо.

– Вообще-то светская хроника не моя сфера… – медленно проговорила я. – Но впрочем, почему бы и нет?

Действительно, почему бы и нет? Что, в конце-то концов, я теряю?

– Вот и отлично, – заключил граф. – Судя по тому, что карета остановилась, мы уже приехали.

Я выглянула в окно. Мы действительно стояли возле моего дома; адрес я назвала кучеру в самом начале, когда согласилась, чтобы меня подвезли.

– Итак, жду вас в пятницу на балу, – напомнил напоследок граф.

– Благодарю вас. Я приду.

Выйдя из кареты, я привычно подняла глаза к соседкиному окну. С той стороны стекла безумно посверкивали уставшие от продолжительного дежурства глаза. Бедная Лукреция. Сперва ее соседка приезжает в тюремной карете, а теперь в таком вот шикарном экипаже. Несчастная женщина окончательно запуталась в выводах. Одно она знала твердо: с нахальной газетчицей что-то нечисто. Ну что сказать? Пожалуй, она была где-то права.

История на этом не закончилась. Я уже садилась ужинать, когда услышала интеллигентный стук в дверь. На пороге обнаружился тот самый слуга, который не так давно провожал меня до кареты. В руках он держал какой-то сверток.

– Это вам от господина графа, – все тем же предельно вежливым тоном произнес он и, вручив мне сверток, быстро растворился среди прохожих.

Я застыла на пороге с открытым ртом, хлопая глазами от неожиданности. Потом зашла в дом, прикрыла за собой дверь и лишь тогда осторожно развернула подарок. Это оказалась ваза. Та самая, с приобретением которой я собиралась еще денек подождать.

В замок меня пропустили, как и в прошлый раз, без малейшей заминки. Бал был в самом разгаре, надо сказать, весьма шикарный, если учитывать отдаленность нашего графства от столицы. Повсюду сновали лакеи, державшие в руках подносы с напитками и изысканными закусками, играла незатейливая легкая музыка, дамы и кавалеры, облачившиеся по такому случаю в самые лучшие свои наряды, танцевали или прохаживались по огромному помещению. Бал проводился на первом этаже, в зале, во все другие дни выполнявшем роль обеденного. Так он использовался по традиции, сохранившейся с тех времен, когда в одном и том же помещении трапезничали все обитатели замка, от хозяина до самого последнего слуги, а разница в статусе определяла лишь место, отведенное человеку за длинным столом. Все остальные комнаты, большая часть которых располагалась на других этажах, для бала никак не подходили, поскольку были слишком малы.

Я, разумеется, никоим образом не вписывалась в общество собравшихся здесь людей ни по своей одежде, значительно более скромной и, главное, менее дорогостоящей, ни с точки зрения манер. Однако я и не преследовала целей слиться с гостями, и потому подобное выделение из общей массы особо меня не смущало. Прихватив какую-то сладость с подноса, любезно предложенную мне лакеем, я весьма удобно устроилась в уголке возле узкого окошка и, разложив на каменном подоконнике свои листки, увлеченно делала записи.

Я настолько погрузилась в работу, что даже не заметила, как возле того же самого подоконника кто-то остановился. И, подняв глаза, не успела вовремя придать им выражение: «Не влезай – убьет».

– Пройдемся? – Кентон предложил мне руку.

– У меня здесь вещи, – буркнула я, бросая взгляд на свои записи.

Глупая отговорка, ничего не скажешь.

– Никто твои бумажки не украдет, – поморщился дворянин.

Я пожала плечами. Алисдейр так и стоял передо мной с вытянутой рукой, а я не хотела привлекать к нашему диалогу внимание окружающих. Пришлось, с сожалением бросив прощальный взгляд на свои записи, – главное, так, чтобы он это видел, – положить свою ладонь поверх его пальцев.

– Я прочитал последний номер недельника, – сказал Кентон, неспешно ведя меня по залу.

– Безумно за тебя счастлива, – откликнулась я. После его последней выходки, когда нас с Люком фактически вышвырнули из дома без всяких объяснений, соблюдать в общении правила этикета не хотелось абсолютно. – Правда, статья о лодыжках чрезвычайно смела и оригинальна?

– Меня не интересуют лодыжки, – отрезал он. – Во всяком случае, не в недельнике. Ты действительно опубликовала биографию Рейвена. А твой напарник ссылается в своей статье на монографию Светлоликого. Стало быть, я был не прав, заподозрив, что вы приходили за чем-то другим.

– Тоже мне, великое открытие, – огрызнулась я. – Ну, и что теперь?

– Извини.

Я недоверчиво на него покосилась. Вроде не издевается.

– Ладно, тогда с тебя еще два коктейля.

– А не сопьешься? – прищурился он.

– Даже не мечтай.

– Это правильно. В таком обществе лучше сохранять бдительность.

– Угу, я заметила. – Я бросила на брюнета выразительный взгляд. – Синяк на запястье, между прочим, держался неделю.

– Пятно на брюках не сошло вовсе, – парировал Кентон.

– Скажи своей служанке, пусть попробует вывести при помощи горчицы, – вздохнула я.

– Сменив одно пятно на другое? Прекрасная идея! – восхитился он.

– Много ты понимаешь, – отмахнулась я. – Засохшая горчица легко снимается.

– Вынужден тебя разочаровать: я давно выбросил те брюки.

– Ну, если надо, могу прислать в качестве компенсации один из тех костюмов, – щедро предложила я.

После последней встречи с Норманом на душе остался такой неприятный осадок, что я так и не отправила бывшему его вещи. Неоднократно думала о том, что надо бы это сделать, и всякий раз откладывала. А по прошествии нескольких дней возвращаться к этому вопросу было бы уже как-то странно…

– Как?! Неужели ты до сих пор не нашла, кому их пристроить?

Это открытие, похоже, просто-напросто восхитило моего собеседника.

– Кроме тебя никто не повелся, – охотно съязвила я.

– Что, даже Рейвен?

Кентон бросил на меня неожиданно внимательный взгляд.

– А при чем тут Рейвен? – осторожно спросила я.

– А разве ни при чем?

– Понятия не имею, что ты хочешь этим сказать.

Понятие я, положим, имела, но обсуждать эту тему с Алисдейром у меня не было ни малейшего желания.

– Эй, Кентон, отчего ты не пригласишь свою даму на танец? – шутливо поинтересовался один из проходивших мимо гостей.

– Ты отлично знаешь, что я не танцую, Колин, – холодно ответил мой собеседник.

Колин бросил ему вслед удивленный взгляд. Но мне и без этого взгляда все было ясно. Я бы, может, и поверила, что вы не танцуете, господин высокомерный аристократ, если бы не видела, как вы отлично это делали с другой партнершей не далее как четверть часа назад. Конечно, у нас не романтическое свидание, и, стало быть, он вовсе не обязан со мной танцевать, да я к этому и не стремилась. Но раз уж его приятель, не подумав, поставил вопрос ребром, Алисдейр мог бы и пригласить девушку из низшего сословия, ничего бы от него не отвалилось.

Я поспешила сослаться на дела и вскоре избавилась от его общества.

– Абигайль, я надеюсь, вы не скучаете?

Определенно они все сговорились не дать мне спокойно поработать. На сей раз у подоконника нарисовался Рейвен.

– Отнюдь.

Я очень надеялась, что такой ответ, не нарушая правил вежливости, отправит графа обратно к его гостям. Которых, кстати сказать, нельзя надолго оставлять скучать. Увы, ничего не вышло.

– Я вижу, вы совсем заработались. Бросьте, это же все-таки бал. Позвольте я приглашу вас на танец.

– А-а-а… э-э-э… мм…

Еще недавно я злилась на Кентона, фактически отказавшегося со мной танцевать. Теперь же впала в панику от одной мысли о том, чтобы присоединиться к кружащим в центре зала парам. И немудрено запаниковать: танцевать-то я не умею!

Нет, двигаюсь я не так уж плохо и поплясать под хорошую музыку в веселой компании в каком-нибудь заведении вроде «Хмельного охотника» вполне могу. Но вот незадача: танцы-то там совершенно другие! А всякие их здешние аллеманды, гальярды и паваны для меня все равно что рунная грамота. Откуда мне знать все эти танцы? Для аристократов они – неотъемлемая часть образования. А нас в академии, на филологическом отделении, учили совершенно другому.

Можно, конечно, сказать: мол, главное в танце – партнер. Если мужчина хорошо ведет, то женщине переживать нечего. Ага, нечего, если она хоть чуть-чуть знает, куда ставить ноги. Но только не тогда, когда она не имеет ни малейшего представления о том, что это за танец и с чем его едят.

Я попыталась возразить, но Рейвен со своей обычной обаятельной улыбкой уже тянул меня к центру зала. Я даже слегка упиралась, но особого эффекта это не возымело. И самое ужасное то, что наша пара моментально привлекла всеобщее внимание. Взгляды притягивались к нам, как железки к магниту. Еще бы! Как-никак граф, хозяин бала, да и вообще личность интересная. В придачу еще и с

совершенно нелепой партнершей, которая мало того что одета как чучело, так еще и двигается словно корова.

Примерно на середине танца, основательно отдавив графу ноги – впрочем, последнего это, кажется, нисколько не смущало, равно как и повышенное внимание окружающих, – я сумела наконец-то отговориться чувством жажды и стрелой вылететь с территории танцующих. Забившись в свой уголок у подоконника, я уселась на стул, предварительно наполовину развернув его к стене, чтобы спрятать от общественности свое пунцовое лицо.

И главное, я ведь только что обижалась на Кентона, так откровенно отказавшегося пригласить меня на танец. А он, скорее всего, прекрасно понимал, что все будет именно так, потому-то и повел себя столь невежливо, выбрав таким образом наименьшее зло. Наименьшее, если на то пошло, не для кого-нибудь, а для меня.

Интерес к собственным записям пропал начисто, однако я упорно делала вид, будто занимаюсь именно ими. Это был благовидный предлог для того, чтобы оставаться к общественности спиной. Все, чего мне сейчас хотелось, – это поскорее убраться из замка восвояси, вернуться домой, занавесить шторы, дабы отгородиться от всяких там Лукреций, и принять горячую ванну. Да, завела я у себя дома такую роскошь со всеми сопутствующими приспособлениями для обогрева и перелива воды. Пожалуй, это была единственная в полном смысле слова роскошь, которую я себе позволила. Но вот беда: для того чтобы оказаться наконец в собственной ванне, нужно встать, повернуться лицом к благодарной публике и прошествовать к выходу через весь зал. А к этому я пока еще не была готова.

– Держи.

Передо мной внезапно возник бокал с зеленоватым напитком. Я принюхалась. Так и есть, «Зеленая звезда». Когда только запомнил?

– Ты обещал мне два, – буркнула я, принимая бокал.

– Вот и нет, я вообще ничего не обещал, – возразил Кентон, пододвигая к окну еще один стул и усаживаясь напротив меня.

Я сделала несколько глотков, продолжая сидеть наполовину отвернувшись и стараясь не смотреть ему в глаза.

– Это было ужасно, да? – выдавила я из себя наконец, по-прежнему глядя в стену.

– Но это не твоя вина.

Ну конечно, глупо было ждать, что он начнет уговаривать меня, что все прошло замечательно, танцевала я прекрасно и вообще все в зале в этот момент увлеченно следили за кружащей под потолком мухой, поэтому на меня не смотрели вовсе. Сколь мало мы ни были знакомы, я уже успела понять, что подобные сказки в благих целях не в характере Алисдейра.

– Он просто не подумал, – отмахнулась я, допивая коктейль.

Зря я стребовала с Кентона только два, следовало повысить таксу за нанесенные обиды. Сейчас мне в очередной раз хотелось напиться, а двух бокалов для этого не хватит.

– Ты всерьез считаешь, что человек вроде Рейвена станет хоть что-нибудь делать, не подумав? – изогнул брови Кентон.

Я хмуро пожала плечами. У графа, несомненно, и без меня имеется масса тем для размышлений.

– Пожалуй, мне пора. – Я поставила опустевший бокал на подоконник и решительно поднялась на ноги. – Продолжу работать дома. А вторую порцию ты остаешься мне должен. И учти: если вернешь ее нескоро, набегут проценты.

– Как только в первый раз тебя увидел, сразу понял, что ты меня разоришь, – посетовал Кентон.

– Что?

– Ничего. Ты вроде бы торопилась домой.

Отставив в сторону стул, он резво смешался с другими гостями и, кажется, не более чем через минуту уже оживленно что-то обсуждал с двумя очень похожими друг на друга мужчинами, вне всяких сомнений, братьями. Проследив глазами за Кентоном, я перевела взгляд чуть левее и заметила Норберта Майлза, свежеиспеченного барона ван Дрейка, который, собственно, и являлся виновником сегодняшнего торжества. Держа в руке бокал, он беседовал о чем-то с окружившими его гостями. Лично на меня Майлз особо приятного впечатления не произвел. Не очень высокий брюнет с полноватыми губами, широким подбородком и маленькими глазками, он казался человеком самовлюбленным, но не имеющим для этого качества объективных оснований. Впрочем, внешность, разумеется, бывает и обманчива.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Недельник – журнал. Изначально такие журналы издавались раз в неделю, отсюда и название. В настоящее время выходят раз в месяц.

2

Беседчик – журналист, который берет интервью (т. е. проводит беседу).

3

Газетчик – журналист.

Купить: https://tellnovel.com/olga-kuno/tornsaydskie-hroniki

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити